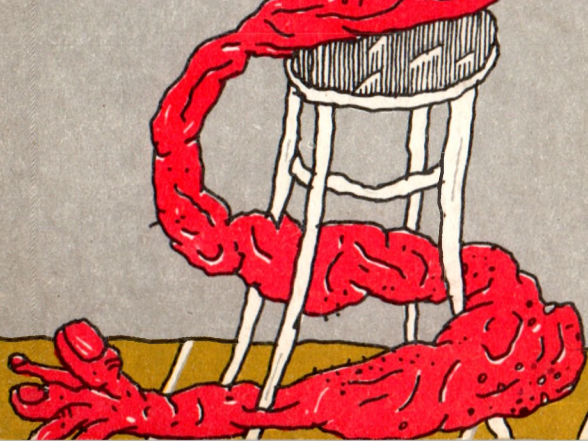
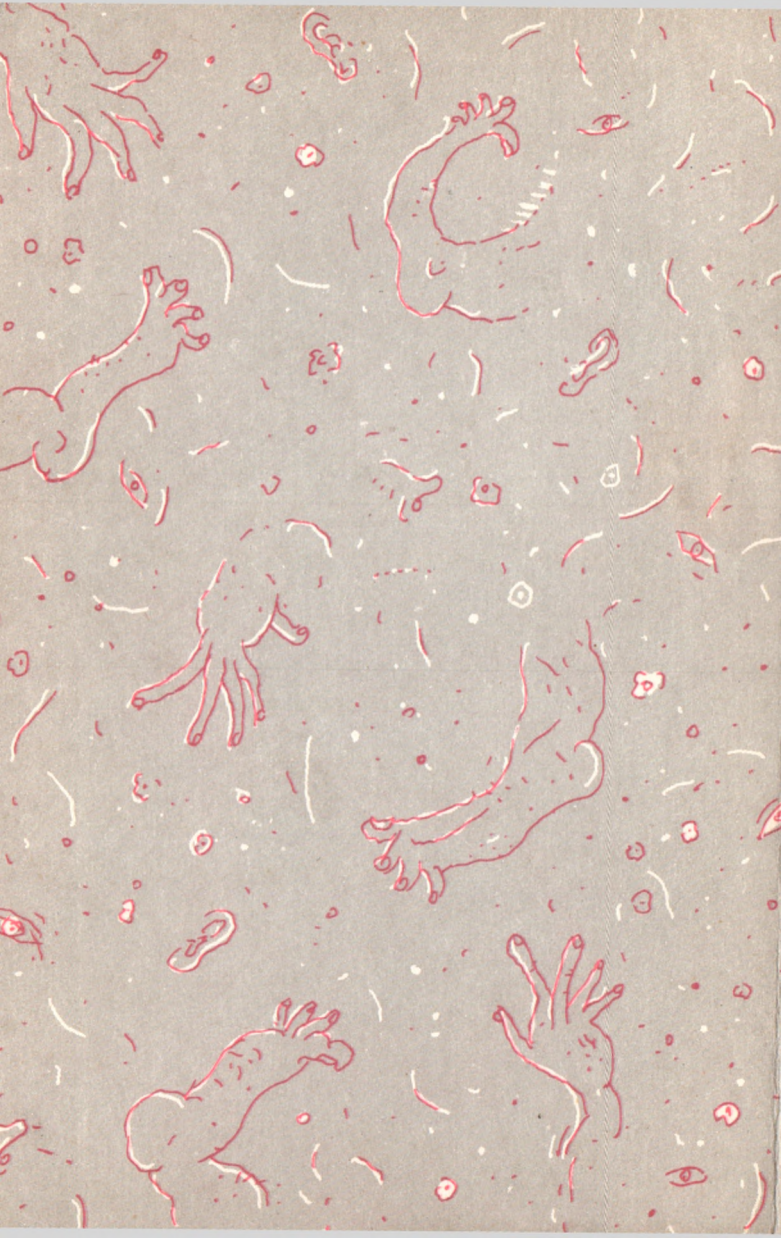

ДАНИИЛ
ХАРМС

ДАНИИЛ
ХАРМС
СТАРУХА

YUNONA

ДАНИИЛ ХАРМС

СТАРУХА

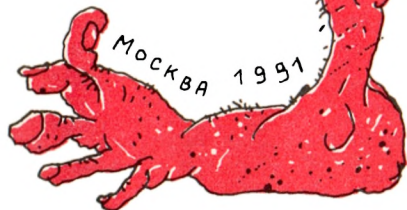
РАССКАЗЫ

СЦЕНЫ

ПОВЕСТЬ

СОСТАВИЛ
ВЛАДИМИР
ГЛОЦЕР

МОСКВА 1991

Составление, текстологическая подготовка и предисловие
Владимира Глоцера

Художник *Л. Тишков*

Даниил Хармс (настоящее имя — Даниил Иванович Ювачёв) родился 30 декабря 1905 года в Петербурге, в семье литератора Ивана Павловича Ювачёва (псевдоним — И.П. Мироллюбов), бывшего народовольца.

Окончил Петершуле, немецкую школу на Кирочной улице. Владел несколькими языками. После школы учился в электротехническом техникуме.

Стихи писал со школьных лет. В 1925 году вступил во Всероссийский Союз поэтов. Первые стихи опубликовал в издании Союза — "Собрание стихотворений" (1926). Еще одно стихотворение появилось в 1927 году. Тогда же вошел в литературную секцию ОБЭРИУ (Объединения Реального Искусства), которое он основал вместе с другими поэтами при ленинградском Доме Печати.

С 1928 года начал сотрудничать в детских журналах — "Еж", а с 1930 — "Чиж".

В 1928—1931 годах выпустил свыше десяти книжек для детей.

В 1931 году был арестован, а затем выслан в Курск. В 1932 году вернулся в Ленинград.

В 30-е годы писал и для детей и для взрослых. Состоял в детской секции Союза писателей.

В августе 1941 года был арестован и умер в тюремной больнице в начале февраля 1942 года.

X $\frac{4702010201-01}{183(2) - 91}$ без объявл.

СП "Юнона". Москва. 1991

© Владимир Иосифович Глоцер.
Состав, предисловие. 1989

ISBN 5-85248-169-6

© Леонид Александрович Тишков.
Оформление. 1989

Чудачества этого человека начались, можно считать, еще на школьной скамье, когда вместо простой русской фамилии – Ювачёв – он взял себе весьма странный псевдоним, который охотнее до разгадок литературоведы не раз пытались и еще будут пытаться расшифровать по-своему: Хармс. Даниил Хармс. Имя было подлинное, а в соединении с необычайной фамилией выстреливало как цирковой номер.

К тому же свой псевдоним он много раз менял, варьировал, и это в самом деле походило на фокус: Хармс – Шардам – Дандан – Хормс – Хаармс и т. д.

Он любил изумлять, удивлять, запугивать. И делал это легко, весело, празднично, как будто действительно показывал фокус.

Недаром С. Маршак, услышав стихи Хармса, счел его незаменимым волшебником для детей и вовлек в детскую литературу.

Конечно, что-то волшебное было заложено прежде всего в самих строчках поэта, и дети это чувствовали лучше, чем кто бы то ни было.

Между тем детским писателем Хармс стал если не поневоле, то во всяком случае потому, что всё, что он писал "для взрослых", никак не могло быть напечатано в его время.

В этом заключалась трагедия его жизни и литературной судьбы, трагедия писателя. «Меня, – писал Хармс в 1937 году, – интересует только "чушь"; только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении».

Литература, содержанием которой была "жизнь... в своем нелепом проявлении" и которая "не имеет никакого практического смысла", конечно же, не могла считаться нужной. Хармс это прекрасно сознавал. Его занимала абсурдность существования, действий, поступков отдельного человека или группы людей, помноженная на абсурд самой жизни, действительности, бытия. Он даже не так уж много придумывал, сочинял эту "чушь", замещивая ее на фантастическом, чудном, странном, – он лишь остроумно фиксировал на ней свое внимание. Ему было совсем просто извлекать смешное, веселое из нелепости, "чуши", которая составляла суть его мыслимых и немыслимых историй.

И когда ни о каком абсурде как литературном направлении никто и не помышлял, – он вместе со своим другом Александром

ром Введенским, каждый по-своему, прокладывал это направление.

Да, он ощущал себя новатором в литературе и поэтому чувствовал себя одиноким. "Нет уважения ко мне писателей. Нет между ними подлинных искателей", – записал он в 1933 году.

Садясь или по крайней мере усаживая себя за стол ежедневно, он писал очень короткие – в треть, в половину страницы, реже – на несколько страничек (и лишь однажды – повесть, равную рассказу) вещи – и обычно никому их потом не показывал. Поэтому не странно, что он сам разговаривал со своими стихами, рассказами и сценками, как со своими детьми. "Мои творения, сыновья и дочери мои. Лучше родить трех сыновей сильных, чем сорок, да слабых..."

Аресты, голод, нужда – ничто не могло отвратить его от любимой работы за столом. "Довольно кривляний, – восклицал он в дневнике: – у меня ни к чему нет интереса, только к этому. Вдохновение и интерес – это то же самое". Он должен был себя в этом уверять, утверждать, потому что годами не видел никакой внешней поддержки.

Так все и шло до 1941 года, когда, как он и предчувствовал, о нем, уже дважды арестовывавшемся, вспомнили. 23 августа он был в третий и в последний раз арестован и в начале февраля 1942 года погиб в тюрьме. За месяц до гибели ему исполнилось 36 лет.

Чудом – и одновременно подвигом близких (и в первую очередь его друга, Я.С.Друскина) – можно считать сохранение многих его рукописей. Они дошли до нас, и теперь, спустя десятилетия, выходят в свет. Дети Хармса, "сыновья и дочери" ни на кого не похожего писателя.

Владимир Глоцер

ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ № 10

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что не понятно, о ком идет речь.

Уж лучше мы о нем не будем больше говорить.

7 января 1937 года.

СЛУЧАИ

Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причесываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках и сошел с ума. А Перехрёстов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу.

22 августа <1936 года>.

ВЫВАЛИВАЮЩИЕСЯ СТАРУХИ

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

1937.

СОНЕТ

Удивительный случай случился со мной: я вдруг позабыл, что идет раньше — 7 или 8?

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и мое удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счета. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин "Гастроном", что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала:

— По-моему, семь идет после восьми в том случае, когда восемь идет после семи.

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять приуныли, так как ее слова показались нам лишены всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но, дойдя в счете до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних, дальше следовало 7, а по мнению других — 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

12 ноября 1935 года.

ПЕТРОВ И КАМАРОВ

Петров. Эй, Камаров!
Давай ловить камаров!

Камаров. Нет, я к этому еще не готов;
Давай лучше ловить котов!

ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Семен Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семёнович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семёнович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

1934.

ПУШКИН И ГОГОЛЬ

Гоголь падает из-за кулис на сцену и смирно лежит.

Пушкин (выходит, спотыкается об Гоголя и падает). Вот черт! Никак об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь). Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает.)* Никак об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (поднимаясь). Ни минуты покоя! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает.)* Вот черт! Никак опять об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь). Вечно во всем помеха! *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает.)* Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь). Хулиганство! Сплошное хулиганство! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает.)* Вот черт! Опять об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь). Это издевательство сплошное! *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает.)* Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь). Вот черт! Истинно, что черт! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает.)* Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь). Мерзопакость! *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает.)* Об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь). Вот черт! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы.)* Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь). Мерзопакость! *(Уходит за кулисы.)*

За сценой слышен голос Гоголя: "Об Пушкина!"

З а н а в е с

20 февр<аля> 1934.

СТОЛЯР КУШАКОВ

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дома и пошел в лавочку, купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Столяр прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

— Вот что, — сказал столяру аптекарь, — вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет, — сказал столяр, — больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал столяр и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите, — сказал аптекарь. — Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал столяр. — Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я столяр Кушаков! — кричал столяр.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

СУНДУК

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

— Вот, — говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей, — я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что-то произошло! Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу все, что находится у меня в комнате? Да никак я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и на кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

— Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

30 января 1937 года.

СЛУЧАЙ С ПЕТРАКОВЫМ

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лег мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четверинки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым, встал, прошелся по комнате и лег осторожно на кровать. "Ну, — думает, — теперь посплю". А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и всё.

21 августа 1936 года.

ИСТОРИЯ ДЕРУЩИХСЯ

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошел его разыскивать.

15 марта 1936 года.

СОН

Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калугин проснулся, подложил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, переменял газету, лег и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд, и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались.

В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной.

А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

22 августа 1936 года.

МАТЕМАТИК И АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ

М а т е м а т и к (*вынимая из головы шар*).

Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.

А н д р е й С е м ё н о в и ч.

Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.

М а т е м а т и к.

Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!

А н д р е й С е м ё н о в и ч.

Ну и не клади.
Ну и не клади.
Ну и не клади.

М а т е м а т и к.

Вот и не положу!
Вот и не положу!
Вот и не положу!

А н д р е й С е м ё н о в и ч.

Ну и ладно.
Ну и ладно.
Ну и ладно.

М а т е м а т и к.

Вот я и победил!
Вот я и победил!
Вот я и победил!

А н д р е й С е м ё н о в и ч. Ну победил и успокойся!

М а т е м а т и к .

Нет, не успокоюсь!
Нет, не успокоюсь!
Нет, не успокоюсь!

А н д р е й С е м ё н о в и ч . Хоть ты и математик, а,
честное слово, ты неумен.

М а т е м а т и к .

Нет, умен и знаю очень много!
Нет, умен и знаю очень много!
Нет, умен и знаю очень много!

А н д р е й С е м ё н о в и ч . Много, да только всё
ерунду.

М а т е м а т и к .

Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!

А н д р е й С е м ё н о в и ч . Надоело мне с тобой
препираться!

М а т е м а т и к .

Нет, не надоело!
Нет, не надоело!
Нет, не надоело!

*Андрей Семёнович досадливо машет рукой и уходит.
Математик, постояв минуту, уходит вслед за Андреем
Семёновичем.*

З а н а в е с

11 апреля 1933.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, УДИВИВШИЙ СТОРОЖА

— Ишь ты! — сказал сторож, рассматривая муху. — Ведь если помазать ее столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история! От простого клея!

— Эй ты, леший! — окрикнул сторожа молодой человек в желтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

— Не тебе, что ли, говорят? — крикнул опять молодой человек. — Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

— А ты чего, срамник, орешь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

— Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почесал себе бородку, еще раз посмотрел на молодого человека и сказал:

— Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

— Извините, — сказал молодой человек, — ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

— Ладно, — сказал сторож, — покажи билет.

— Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят, — сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

— Ишь ты! — сказал сторож.

— Так как же? — спросил молодой человек. — Пропустите?

— Ладно, ладно, — сказал сторож. — Идите.

— А как пройти-то? Куда? — спросил молодой человек. — Ведь я и дороги-то не знаю.

— Вам куда нужно? — спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

— На небо!

Сторож наклонился вперед, подвинул правую ногу, чтобы встать потверже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

— Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в желтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжёными перьями.

— Ишь ты! — сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

**ЧЕТЫРЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ТОГО,
КАК НОВАЯ ИДЕЯ ОГОРАШИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА,
К НЕЙ НЕ ПОДГОТОВЛЕННОГО**

I.

П и с а т е л ь. Я писатель.

Ч и т а т е л ь. А, по-моему, ты г... о!

*Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой
идеей и падает замертво. Его выносят.*

II.

Х у д о ж н и к. Я художник.

Р а б о ч и й. А, по-моему, ты г... о!

*Художник тут же побелел как полотно,
И как тростинка закачался,
И неожиданно скончался.
Его выносят.*

III.

К о м п о з и т о р. Я композитор.

В а н я Р у б л е в. А, по-моему, ты!

*Композитор, тяжело дыша, так и осел. Его
неожиданно выносят.*

IV.

Х и м и к. Я химик.

Ф и з и к. А, по-моему, ты!

*Химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул
на пол.*

13 апреля 1933 года.

ПОТЕРИ

Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понес его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашел в магазин купить полтораста грамм полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашел в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в ларьке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но, когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошел домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошел прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свои пенсне.

Домой Андрей Андреевич пришел очень злой и сразу лег спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щетку и чистит зубы каким-то подсвечником.

МАКАРОВ И ПЕТЕРСЕН

№ 3

Макаров. Тут, в этой книге, написано о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймешь, как суетны наши желания. Ты также поймешь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание свое.

Петерсен. Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

Макаров. Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже думая о ней, я снимаю шапку.

Петерсен. А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги?

Макаров. Да, и руки надо мыть.

Петерсен. Ты и ноги на всякий случай вымыл бы.

Макаров. Это неостроумно и грубо.

Петерсен. Да что же это за книга?

Макаров. Название этой книги таинственно...

Петерсен. Хи-хи-хи!

Макаров. Называется эта книга МАЛГИЛ.

Петерсен исчезает.

Макаров. Господи! Что же это такое? Петерсен!

Голос Петерсена. Что случилось, Макаров!
Где я?

Макаров. Где ты? Я тебя не вижу?

Голос Петерсена. А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?

Макаров. Что же делать? Петерсен, ты слышишь меня?

Голос Петерсена. Слышу! Но что такое случилось? И что это за шары?

Макаров. Ты можешь двигаться?

Голос Петерсена. Макаров! Ты видишь эти шары?

Макаров. Какие шары?

Голос Петерсена. Пустите!.. Пустите меня!..
Макаров!..

*Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватается
книгу и раскрывает ее.*

Макаров (*читает*). "... Постепенно человек теряет
свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек
утрачивает все свои желания".

Занавес

СУД ЛИНЧА

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь, о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется человек среднего роста и спрашивает Петрова, что он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста насаждает. Слово за слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватает человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа удовлетворив свои страсти, — расходится.

ВСТРЕЧА

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и всё.

НЕУДАЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

На сцену выходит П е т р а к о в-Г о р б у н о в, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит. Выходит П р и т ы к и н.

П р и т ы к и н. Уважаемый Петраков-Горбунов должен сооб... (Его рвёт, и он убегает.)

Выходит М а к а р о в.

М а к а р о в. Егор... (Макарова рвёт. Он убегает.)

Выходит С е р п у х о в.

С е р п у х о в. Чтобы не быть... (Его рвёт, он убегает.)

Выходит К у р о в а.

К у р о в а. Я была бы... (Её рвёт, она убегает.)

Выбегает м а л е н ь к а я д е в о ч к а.

М а л е н ь к а я д е в о ч к а. Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит!

З а н а в е с

1934.

ТЮК!

Лето. Письменный стол. Направо дверь. На стене картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенсне.

Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенсне, бьет по полену).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна. (надевая пенсне, бьет по полену).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна. (надевая пенсне, бьет по полену).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенсне). Евдоким Осипович! Я вас прошу: не говорите этого слова "тюк".

Евдоким Осипович. Хорошо, хорошо.

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенсне). Евдоким Осипович! Вы обещали мне не говорить этого слова "тюк"!

Евдоким Осипович. Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенсне). Это безобразие! Взрослый, пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы!

Евдоким Осипович. Ольга Петровна! Вы

можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

Ольга Петровна. Ну я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено!

Евдоким Осипович. Колите, конечно, колите!

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену).

Евдоким Осипович. Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать. Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит. Ольга Петровна стоит неподвижно, с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается.

ЧТО ТЕПЕРЬ ПРОДАЮТ В МАГАЗИНАХ

Коратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеенчатую кошёлку.

Коратыгин увидал Тикакеева и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда, — говорит Тикакеев, — я всего двадцать пять минут как из дома.

— Ну уж этого я не знаю, — сказал Коратыгин, — а только я тут уже целый час.

— Не врите! — сказал Тикакеев. — стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Коратыгин. — Потрудитесь выбрать выражения.

— Я считаю... — начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин:

— Если вы считаете... — сказал он. Но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой ноздрей сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошёлки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах!

19 авг<уста> 1936.

МАШКИН УБИЛ КОШКИНА

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Тов. Машкин следил глазами за тов. Кошкиным.

Тов. Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Тов. Машкин нахмурился.

Тов. Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Тов. Машкин вскрикнул и кинулся на тов. Кошкина.

Тов. Кошкин попробовал убежать, но спотыкнулся и был настигнут тов. Машкиным.

Тов. Машкин ударил кулаком по голове тов. Кошкина.

Тов. Кошкин вскрикнул и упал на четверинки.

Тов. Машкин двинул тов. Кошкина ногой под живот и еще раз ударил его кулаком по затылку.

Тов. Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

СОН ДРАЗНИТ ЧЕЛОВЕКА

Марков снял сапоги и, вздохнув, лег на диван.

Ему хотелось спать, но как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой. Но сон опять налетал на него, и, не дотянувшись до книги, Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец, измучившись и возненавидев самого себя и свою комнату, Марков надел пальто и шляпу, взял в руку трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лег на диван и закрыл глаза, — сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и, без шапки и без пальто, помчался по направлению к Таврическому саду.

ОХОТНИКИ

На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулись.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблуков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать. Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довел Окнова до высшей точки раздражения.

К о з л о в. Хочешь закурить?

О к н о в. Нет.

К о з л о в. Хочешь, я тебе принесу вон ту вон штуку?

О к н о в. Нет.

К о з л о в. Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?

О к н о в. Нет.

К о з л о в. Ну, хочешь пить? У меня вот тут вот есть чай с коньяком.

О к н о в. Мало того, что я тебя сейчас этим камнем по затылку ударил, я тебе еще оторву ногу.

С т р ю ч к о в и М о т ы л ь к о в. Что вы делаете? Что вы делаете?

К о з л о в. Приподнимите меня с земли.

М о т ы л ь к о в. Ты не волнуйся, рана заживет.

К о з л о в. А где Окнов?

О к н о в *(отрывая Козлову ногу)*. Я тут, недалеко!

К о з л о в. Ох, матушки! Сеа-па-си!

С т р ю ч к о в и М о т ы л ь к о в. Никак он ему и ногу оторвал!

О к н о в. Оторвал и бросил ее вон туда!

С т р ю ч к о в. Это злодейство!

О к н о в. Что-о?

С т р ю ч к о в. ...Ейство...

О к н о в. Ка-а-ак?

С т р ю ч к о в. Нь... нь... нь... никак.

К о з л о в. Как же я дойду до дома?

М о т ы л ь к о в. Не беспокойся, мы тебе приделаем
деревяшку.

С т р ю ч к о в. Ты на одной ноге стоять можешь?

К о з л о в. Могу, но не очень-то.

С т р ю ч к о в. Ну мы тебя поддержим.

О к н о в. Пустите меня к нему!

С т р ю ч к о в. Ой нет, лучше уходи!

О к н о в. Нет, пустите!.. Пустите!.. Пустите... Вот что я
хотел сделать!

С т р ю ч к о в и М о т ы л ь к о в. Какой ужас!

О к н о в. Ха-ха-ха!

М о т ы л ь к о в. А где же Козлов?

С т р ю ч к о в. Он уполз в кусты!

М о т ы л ь к о в. Козлов, ты тут?

К о з л о в. Шáша..!

М о т ы л ь к о в. Вот ведь до чего дошел!

С т р ю ч к о в. Что же с ним делать?

М о т ы л ь к о в. А тут уж ничего с ним не поделаешь.
По-моему, его надо просто удавить. Козлов! А, Козлов?
Ты меня слышишь?

К о з л о в. Ох, слышу, да плохо.

М о т ы л ь к о в. Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя
удавим. Постой!.. Вот... вот... вот.

С т р ю ч к о в. Вот сюда вот еще! Так, так, так! Ну-ка
еще... Ну, теперь готово!

М о т ы л ь к о в. Теперь готово!

О к н о в. Господи благослови!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД

В.Н. Петрову

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашел однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался: такая у него была привычка.

Прошло тридцать пять колов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и, по обычаю того времени, схватил антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из-за стола и ринулся на двор. Хозяин крикнул было Ивану Ивановичу: "Зри, како твоя брада клочна!" Но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал на двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: "Кто есть сей?" А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: "Сие есть наш патриот Иван Иванович Сусанин". "Во как!" — сказал боярин, допивая свое сусло.

"Не угодно ли рыбки?" — спросил хозяин. "Пошел ты к бую!" — крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щеку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув

через корыто, в котором среди помой лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. "Чего ты орешь?" — спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошел поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. "Так ты жив?" — спросил хозяин. "Жив, да тільки страшусь, что меня еще чем-нибудь ударят", — сказал Сусанин. "Нет, — сказал хозяин, — не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши". "Ну слава Тебе, Боже! — сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. — Я человек храбрый, да тільки зря живот покладать не люблю. Вот я приник к земле и ждал: чего дальше будет? Чуть что, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз... Евона как щеку разнесло. Батюшки! Полбороды отхватило!" "Это у тебя еще и раньше так было", — сказал хозяин. "Как это так раньше? — вскричал патриот Сусанин. — Что же, по-твоему, я так с ключной бородой ходил?" "Ходил", — сказал хозяин. "Ах ты, мяфа", — проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись, со всего маху, звезданул Сусанина по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. "Вот тебе! Сам ты мяфа!" — сказал хозяин и удалился в харчевню.

Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе никого не было, если не считать свиньи, которая, вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин, озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастью, были открыты, и патриот Иван Сусанин, извиваясь по земле как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

ФЕДЯ ДАВИДОВИЧ

Федя долго подкрадывался к масленке, и наконец улучив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением, вынул пальцем из масленки все масло и сунул его себе в рот. Закрывая масленку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую масленку, указала на нее ножницами и строго сказала:

— Масла в масленке нет. Где оно?

Федя сделал удивленные глаза и, вытянув шею, заглянул в масленку.

— Это масло у тебя во рту, — сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно замотал головой.

— Ага, — сказала жена. — Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: "что ты, что ты, ничего подобного!" Но жена сказала:

— Ты врешь. Открой рот.

— Мм, — сказал Федя.

— Открой рот, — повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: "Ах да, совсем было забыл. Сейчас приду", и встал, собираясь выйти из комнаты.

— Стой! — крикнула жена.

Но Федя прибавил шагу и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

— Ушел, — сказала жена, садясь на диван. — Вот черт!

А Федя, дойдя по коридору до двери, на которой висела надпись: "Вход категорически воспрещен", открыл эту дверь и вошел в комнату.

Комната, в которую вошел Федя, была узкой и длинной, с окном, занавешенным газетной бумагой. В комна-

те справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене слева висела двойная полка, на которой лежало неопределенно что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледно-зеленым лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

— Полтора, — сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

— Маловато, — сказал Федя.

— Хватит, — сказал хозяин комнаты.

— Ну ладно, — сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

— За деньгами придешь завтра утром, — сказал хозяин.

— Ой, что вы! — вскричал Федя. — Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

— Пошел вон, — сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

10 февраля 1939 года.

АНЕВДТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПУШКИНА

1.

Пушкин был поэтом и всё что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: "Да никакo ты писака!"

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

2.

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучался и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. "У него — растёт, а у меня — не растёт", — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3.

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. "Что скажешь, брат Пушкин?" — спросил Петрушевский. "Стоп машина", — сказал Пушкин.

4.

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колеса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл эрпигармами.

5.

Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал

к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: "это ничаво".

6.

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7.

У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом: на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто хоть святых вон выноси!

НАЧАЛО ОЧЕНЬ ХОРОШЕГО ЛЕТНЕГО ДНЯ (СИМФОНИЯ)

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. "Вот ловкач!" — закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой об стену. "Эх!" — вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шел Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: "Эй ты, сало!" и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать. Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. А молодая, толстенькая мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав свою тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошёлками. Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с расстегнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

ПАКИН И РАКУКИН

— Ну ты, не очень-то фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

— Чего глядишь? Не узнал? — спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своем вертящемся кресле, стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

— Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошел из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

— Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое-что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

— Что, не веришь? — спросил Пакин.

— Верю, — сказал Ракукин.

— Тогда садись вот сюда, в это кресло, — сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в свое вертящееся кресло.

— Ну вот, — сказал Пакин, — чего сидишь в кресле как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

— Не мигай, — сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

— Сиди прямо, — сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

— Эх, — сказал Пакин, — так бы и шлепнул тебя по подрывнику!

Ракукин икнул, надул щеки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

— Ну ты, не фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин еще больше вытянул шею и опять быстро-быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

— Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, чтобы не мигать, скривил челюсти и еще больше вытянул шею и закинул назад голову.

— Фу, какой мерзостный у тебя вид, — сказал Пакин. — Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость!

В это время голова Ракукина закидывалась назад все дальше и дальше и наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

— Что за чорт! — воскликнул Пакин. — Это что еще за фокус?

Если смотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадок Ракукина торчал вверх. Невольно хотелось думать, что это нос.

— Эй, Ракукин! — сказал Пакин.

Ракукин молчал.

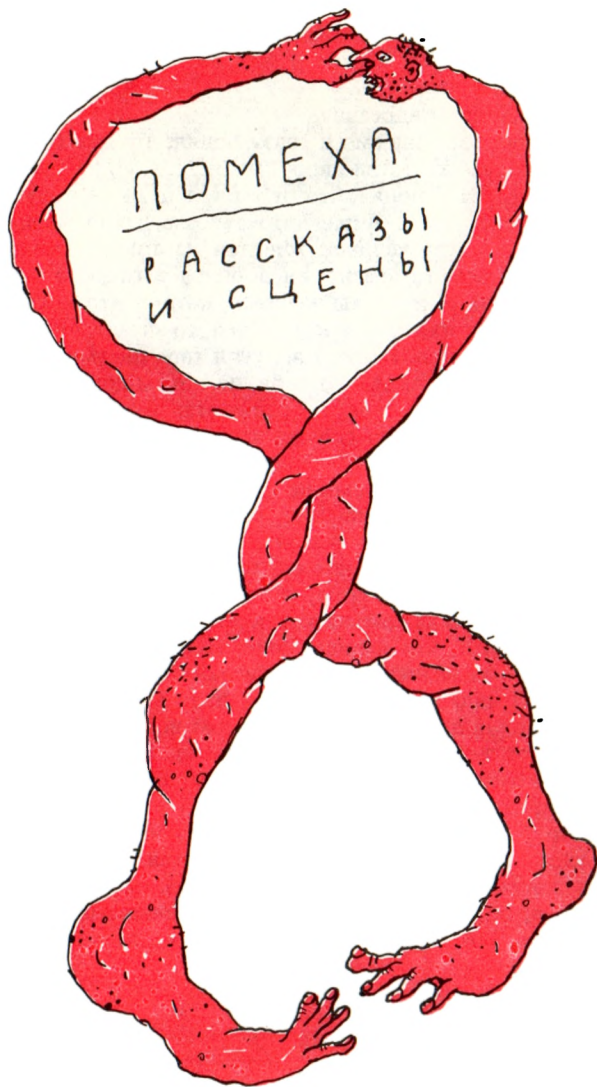
— Ракукин! — повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

— Так, — сказал Пакин. — Подох Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин. Но тут из-за шкапа вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела ее куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдаль за поворотом.

ПОМЕХА

РАССКАЗЫ
И СЦЕНЫ

ПИСЬМО*

Дорогой

Никандр Андреевич,

получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то было подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твое письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что, кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу — точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя еще раньше, до того, как некоторое время не писал, — тоже писал. Я сразу, как получил твое письмо, сразу решил, что оно от тебя, и, потом, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты наконец женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твое письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом все-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А так-

* В рукописи без названия.

же рад и тому, что ты написал мне письмо. Я еще издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно, от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? От тебя или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу: совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твое письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене.

25 сентября и октября 1933 года.

ЧЕРНАЯ ВОДА*

Андрей Семенович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Семенович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрея Семеновича забилося сердце.

В это время проснулась собака Андрея Семеновича. Андрей Семенович подошел к окну и задумался.

Вдруг что-то большое и темное пронеслось мимо лица Андрея Семеновича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Семеновича и понеслась как ворона на крышу противоположного дома. Андрей Семенович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

— Что с вами? Вы больны? — спросил товарищ Попугаев.

Андрей Семенович молчал и тер лицо руками.

Товарищ Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.

— Что это у вас тут налито? — спросил он Андрея Семеновича.

— Не знаю, — сказал Андрей Семенович.

Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на свое прежнее место и заснула.

Андрей Семенович подошел к столу и выпил из чашки почерневшую воду.

И на душе у Андрея Семеновича стало светло.

21 августа <1934>.

О ЯВЛЕНИЯХ И СУЩЕСТВОВАНИЯХ

№ 1

Художник Миккель Анжело садится на груды кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать. Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает. Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом. Художник Миккель Анжело опускает глаза и замечает, что глаза что-то щиплет. Художник Миккель Анжело трет глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай на птичий двор, на птичий двор к своим курам. И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отряхает со штанов красную, кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

А жена у художника Миккеля Анжело длинная-длинная, длиной в две комнаты.

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит:

— Смотри!

Комаров смотрит и видит шар.

— "Что это?" — шепчет Комаров.

А с неба грохочат: "Это шар".

— Какой такой шар? — шепчет Комаров.

А с неба грохот: "Шар гладкоповерхностный!"

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884-том году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут ложка! Куда комете до такого явления.

Запирать окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что всё дым. А по-моему, не всё дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришел к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как же, говорит, не существует, когда, говорит, он вот тут вот стоит и я, говорит, его отчетливо наблюдаю.

А великий художник опустил тогда голову и как стоял, так и сел на грудку кирпичей.

ВСЁ.

18 сентября 1934 года.

О ЯВЛЕНИЯХ И СУЩЕСТВОВАНИЯХ

№ 2

Вот бутылка с водкой, так называемой спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Поглядите, как он облизывается и как он щурится. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому что спиртуоз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего. Не то чтобы там не стоял шкаф или комод, или вообще что-нибудь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николая Ивановича нет даже безвоздушного пространства, или, как говорится, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам плевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берет рукой бутылку со спиртуозом и подносит ее к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать перед грудью и вообще кругом, нет ничего. Полное отсутствие всякого существования, или, как остряли когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Иванович заглядывает вовнутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит ее к губам, запрокидывает бутылку доньшком вверх и выпивает, представьте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и похлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича, или спереди и вокруг только, а также и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: "А как же бутылка со спиртуозом? Особенно, куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась. А где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай-то Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?"

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как внутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то, значит, и бутылки не существует. Так ведь?

Но с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни изнутри, ни снаружи, то является вопрос: изнутри и снаружи чего? Что-то, видно, все же существует? А может, и не существует. Тогда для чего же мы говорим изнутри и снаружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать.

До свидания.

ВСЁ.

18 сентября 1934 года.

О РАВНОВЕСИИ

Теперь все знают, как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: "Кавео", что значит: "Камни внутрь опасно". И хорошо сделал. "Кавео" легко запомнить, и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

• А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы "Ракета", 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублевых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую Гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: "Интересно, — сказал себе Николай Иванович, — как человек устроен".

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

— Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну, конечно, в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже и яблоки жрать перестали.

Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы только отвязаться:

— Извините, — говорит, — особого такого ничего мне не требуется.

— Нет, — говорит неизвестная дамочка, — я, — говорит, — что называется фея. Одним моментом что угодно смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метрдотель бежит, а за ним еще какой-то субъект с папироской во рту.

”Что за чорт! — думает Николай Иванович, — неизвестно что получается”.

А оно и действительно неизвестно что получается. Метрдотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают, и вообще чорт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лассалья и сказал себе: ”Ка же О! Камни внутрь опасно! И чего-чего только на свете не бывает!”

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей:

— Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а все же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!

ВСЁ.

18 сентября 1934 года.

ГРЕХОПАДЕНИЕ, ИЛИ ПОЗНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Дидакалия

Аллея красиво подстриженных деревьев изображает райский сад. Посередине Древо жизни и Древо Познания Добра и Зла. Сзади направо церковь.

Фигура (указывая рукой на дерево, говорит). Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев ешьте плоды, а от этого дерева плодов не ешьте. (Уходит в церковь.)

Адам (указывая рукой на дерево). Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев мы будем есть плоды, а от этого дерева мы плодов есть не будем. Ты, Ева, обожди меня, а я пойду соберу малину. (Уходит.)

Ева. Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса?

Из-за дерева появляется Мастер Леонардо.

Мастер Леонардо. Ева! Вот я пришел к тебе.

Ева. А скажи мне, Мастер Леонардо, зачем?

Мастер Леонардо. Ты такая красивая, бело-телая и полногрудая. Я хлопочу о твоей пользе.

Ева. Дай-то Бог.

Мастер Леонардо. Ты знаешь, Ева, я люблю тебя.

Ева. А я знаю, что это такое?

Мастер Леонардо. Неужто не знаешь?

Ева. Откуда мне знать?

Мастер Леонардо. Ты меня удивляешь.

Ева. Ой, посмотри, как смешно фазан на фазаниху верхом сел!

Мастер Леонардо. Вот это и есть то самое.

Ева. Что то самое?

М а с т е р Л е о н а р д о. Любовь.

Е в а. Тогда это очень смешно. Ты что? Хочешь тоже на меня верхом сесть?

М а с т е р Л е о н а р д о. Да, хочу. Но только ты ничего не говори Адаму.

Е в а. Нет, не скажу.

М а с т е р Л е о н а р д о. Ты, я вижу, молодец.

Е в а. Да, я бойкая баба.

М а с т е р Л е о н а р д о. А ты меня любишь?

Е в а. Да я не прочь, чтобы ты меня покатал по саду на себе верхом.

М а с т е р Л е о н а р д о. Садись ко мне на плечи.

*Ева садится верхом на Мастера Леонардо,
и он скачет с ней по саду.*

Входит Адам с картузом, полным малины, в руках.

А д а м. Ева! Где ты? Хочешь малины? Ева! Куда же она ушла? Пойду ее искать. (*Уходит.*)

Появляется Ева верхом на Мастере Леонардо.

Е в а (*спрыгивая на землю*). Ну спасибо. Очень хорошо.

М а с т е р Л е о н а р д о. А теперь попробуй вот это яблоко.

Е в а. Ой, что ты! С этого дерева нельзя есть плодов.

М а с т е р Л е о н а р д о. Послушай, Ева! Я давно уже узнал все тайны рая. Кое-что я скажу тебе.

Е в а. Ну говори, а я послушаю.

М а с т е р Л е о н а р д о. Будешь меня слушать?

Е в а. Да, и ни в чем тебя не огорчу.

М а с т е р Л е о н а р д о. А не выдашь меня?

Е в а. Нет, поверь мне.

М а с т е р Л е о н а р д о. А вдруг всё откроется?

Е в а. Не через меня.

М а с т е р Л е о н а р д о. Ну хорошо. Я верю тебе.

Ты была в хорошей школе. Я видел Адама, он очень глуп.

Е в а. Он грубоват немного.

М а с т е р Л е о н а р д о. Он ничего не знает. Он мало путешествовал и ничего не видел. Его одурачили. А он одурачивает тебя.

Е в а. Каким образом?

М а с т е р Л е о н а р д о. Он запрещает тебе есть плоды с этого дерева. А ведь это самые вкусные плоды. И когда ты съешь этот плод, ты сразу поймешь, что хорошо и что плохо. Ты сразу узнаешь очень много и будешь умнее самого Бога.

Е в а. Возможно ли это?

М а с т е р Л е о н а р д о. Да уж я говорю тебе, что возможно.

Е в а. Ну, право, я не знаю, что мне делать.

М а с т е р Л е о н а р д о. Ешь это яблоко! Ешь, ешь!

Появляется Адам с картузом в руках.

А д а м. Ах вот где ты, Ева! А это кто?

Мастер Леонардо скрывается за кусты.

А д а м. Это кто был?

Е в а. Это был мой друг, Мастер Леонардо.

А д а м. А что ему нужно?

Е в а. Он посадил меня верхом к себе на шею и бежал со мной по саду. Я страшно смеялась.

А д а м. Больше вы ничего не делали?

Е в а. Нет.

А д а м. А что это у тебя в руках?

Е в а. Это яблоко.

А д а м. С какого дерева?

Е в а. Вон с того.

А д а м. Нет, врешь, с этого.

Е в а. Нет, с того.

А д а м. Врешь поди?

Е в а. Честное слово, не вру.

А д а м. Ну хорошо, я тебе верю.

З м е й (*сидящий на дереве познания добра и зла*).
Она врет. Ты не верь. Это яблоко с этого дерева!

А д а м. Брось яблоко. Обманщица.

Е в а. Нет, ты очень глуп. Надо попробовать, каково оно на вкус.

А д а м. Ева! Смотри!

Е в а. И смотреть тут нечего!

А д а м. Ну как знаешь.

Ева откусывает от яблока кусок. Змей от радости хлопает в ладоши.

Е в а. Ах, как вкусно. Только что же это такое? Ты все время исчезаешь и появляешься вновь. Ой! все исчезает и откуда-то появляется все опять. Ох, как это интересно! Ай! Я голая! Адам, подойди ко мне ближе, я хочу сесть на тебя верхом.

А д а м. Что такое?

Е в а. На, ешь ты тоже это яблоко!

А д а м. Я боюсь.

Е в а. Ешь! Ешь!

Адам съедает кусок яблока и сразу же прикрывается картузом.

А д а м. Мне стыдно.

Из церкви выходит Figura.

Ф и г у р а. Ты человек и ты человечица, вы съели запрещенный плод. А потому вон из моего сада!

Figura уходит обратно в церковь.

А д а м. Куда же нам идти?

Е в а. Никуда не пойдём.

Появляется А н г е л с огненным челом и гонит их из рая.

А н г е л. Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!

М а с т е р Л е о н а р д о (*появляясь из-за кустов*).
Пошли, пошли! Пошли, пошли! (*Машет руками.*) Да-
вайте занавес!

З а н а в е с

27 сентября 1934 года.

КАРЬЕРА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА АНТОНОВА

Это случилось еще до революции.

Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.

Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив, в чем дело, поступил самым остроумным способом.

С тех пор он стал известен всему населению города и его выбрали в сенат.

Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом.

Слава об ее находчивости распространилась по всей губернии, и купчиху повезли в столицу показать митрополиту.

Выслушивая длинный рассказ купчихи, митрополит зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На громкий зов митрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом.

За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представили царю.

И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

8 января 1935 года.

НЕОЖИДАННАЯ ПОПОЙКА

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Петр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Петр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лег на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича...

Взбешенный Петр Леонидович выскочил в коридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали все жильцы и, видя, что делает несчастный Петр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нем жилетку.

Петр Леонидович побежал в жакт.

В это время Антонина Алексеевна разделась догола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Петр Леонидович, ведя за собой управдома.

Не найдя жены в комнате, управдом и Петр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Петр Леонидович взялся сбежать за этим напитком на угол.

Когда Петр Леонидович ушел, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясенный управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой двадцатилетней женщины, вдруг пришел в дикий восторг.

Тут вернулся Петр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Петр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать, и Петр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде да еще вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуску к водке.

Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол, и попойка началась.

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще чорт знает что.

Скоро, однако, все напились и заснули: мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

22 янв<аря> 1935 года.

АВТОБИОГРАФИЯ*

Теперь я расскажу, как я родился, как я рос и как обнаружился во мне первые признаки гения. Я родился дважды. Произошло это вот как.

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребенок родился обязательно на Новый год. Папа рассчитал, что зачатие должно произойти 1-го апреля, и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1-го апреля 1903-го года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в очень шутовском настроении и не удержался и сказал маме: "С первым апрелем!"

Мама страшно обиделась и в этот день не подпустила папу к себе. Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не подпустила к себе папу. Сколько папа ни бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

И так мое зачатие произошло 1-го апреля 1905 года.

Однако все папины расчеты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствовавший при этом один наш знакомый, студент Военно-Медицинской Академии, заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако, несмотря на слова студента, меня все же запихали, но, правда, как по-

том выяснилось, запихать-то запихали, да второпях не гуда.

Тут началась страшная суматоха.

Родительница кричит: "Подавайте мне моего ребенка!" А ей отвечают: "Ваш, — говорят, — ребенок находится внутри вас". "Как! — кричит родительница. — Как ребенок внутри меня, когда я его только что родила!"

"Но, — говорят родительнице, — может быть, вы ошибаетесь?" "Как! — кричит родительница, — ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!" "Это верно, — говорят родительнице. — Но, может быть, он куда-нибудь заполз". Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребенка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развел, однако все же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло, и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, — дескать, это, мол, еще нельзя назвать рождением, что это, мол, еще не человек, а скорее наполовину зародыш, и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И вот посадили меня в инкубатор.

25 сентября 1935 года.

Одна особа, ломая в горести руки, говорила: "Мне нужен интерес в жизни, а вовсе не деньги. Я ищу увлечения, а не благополучия. Мне нужен муж не богач, а талант, режиссер, Мейерхольд!"

<1935>.

ЛИЧНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДНОГО МУЗЫКАНТА

Меня называли извергом.

А разве это так?

Нет, это не так. Доказательств я приводить не буду.

Я слышал, как моя жена говорила в телефонную трубку какому-то Михюсе, что я глуп.

Я сидел в это время под кроватью, и меня не было видно.

О! Что я испытывал в этот момент!

Я хотел выскочить и крикнуть: "Нет, я не глуп!"

Воображаю, что бы тут было!

Я опять сидел под кроватью и не был виден.

Но зато мне-то было видно, что этот самый Михюся проделал с моей женой.

Сегодня моя жена опять принимала этого Михюсю.

Я начинаю думать, что я в глазах жены перехожу на задний план.

Михюся даже лазал в ящиках моего письменного стола.

Я сам сидел под кроватью и не был виден.

Я сидел опять под кроватью и не был виден.

Жена и Михюся говорили обо мне в самых неприятных тонах.

Я не вытерпел и крикнул им, что они всё врут.

Вот уже пятый день, как меня избивали, а кости всё еще ноют.

<1935?>

ПЯТЬ ШИШЕК*

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка.

Он вышел из дома и пошел в магазин купить столярного клея, чтобы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, сверху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

— Я гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в магазин, чтобы... чтобы... чтобы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошел в магазин!

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

— Ах! — вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

— Вот так история! — сказал Кузнецов. — Я гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

— Ай-ай-ай! — закричал Кузнецов, хватаясь за голову. — Я гражданин Кузнецов, вышел из... вышел из... вышел из погреба? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

— Ну и ну! — сказал Кузнецов, почесывая затылок. — Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут. Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл все на свете и, крикнув "О-го-го!", побежал по улице.

Пожалуйста! Если кто-нибудь встретит на улице человека, у которого на голове пять шишек, то напомните ему, что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить ломаную табуретку.

1 ноября 1935 года.

РЫЦАРЬ

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь. Так например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошёлки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскроил себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла, так что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни назад ни вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдавил себе языком два передних зуба. Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да и не только по отношению к дамам. С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-ом году, в начале германской войны с криком "За Родину" выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только несерьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостно-ревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался небывало возвышенными чувствами и всякий раз, когда он произносил слова *стяг*, *фанфара* или даже просто *эполеты*, по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-ом году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта.

Как инвалид I категории, Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседуя с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: "Я пострадал за родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания".

— И дурак! — сказал ему Константин Лебедев, — наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-ом году он уже называет себя *либералом чреслами своими пострадавшего за отчизну*.

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишен пенсии. Некоторое время Константин Лебедев снабжал его тростниковым сахаром, шоколадом, консервированным салом и пшенной крупой. Но когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось выйти на улицу и просить подаяние. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: "Подайте, Христа ради, чреслами своими пострадавшему за родину". Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово "родину" словом "революцию". Но и это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, сделал шаг вперед и гордо, с достоинством откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады
Мы все пойдем!
За свободу
Мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком, Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: "Подайте милостыню Христа ради". Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-ом году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузырёвым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырёв пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофеем и сам, чавкая пирожными, изложил ему какое-то сложное дело, из которого Алексей Алексеевич понял только, что и ему надо что-то делать, за что он будет получать от Пузырёва ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился,

и Пузырёв тут же, в виде поощрения, передал ему под столом два цыбика чая и пачку папирос Раджа.

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузырёву и, получив от него какие-то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал саночки, если это происходило зимой, и если это происходило летом — тачку и отправлялся по указанию Пузырёва по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил на свои саночки или тележку и вечером отвозил их Пузырёву на квартиру.

Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои саночки к пузырёвской квартире, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели и спросили его: "Ваша фамилия Алексеев?" Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

На допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и всё только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но несмотря на это, был приговорен к 10 годам ссылки в северные части своего отечества. Вернувшись в 28-ом году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр<оспекта> Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблуком и запел:

На баррикады
Мы все пойдем!
За свободу
Мы все покалечимся и умрем!

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексева.

<1935?>

БУНТ*

— Пейте уксус, господа, — сказал Шуев.

Ему никто ничего не ответил.

— Господа! — крикнул Шуев. — Я предлагаю вам выпить уксусу!

С кресла поднялся Макаронов и сказал:

— Я приветствую мысль Шуева. Давайте пить уксус.

Растопякин сказал:

— Я не буду пить уксуса.

Тут наступило молчание, и все начали смотреть на Шуева. Шуев сидел с каменным лицом. Было неясно, что думает он.

Прошло минуты три. Сучков кашлянул в кулак. Рывин почесал рот. Калтаев поправил свой галстук. Макаронов подвигал ушами и носом. А Растопякин, откинувшись на спинку кресла, смотрел как бы равнодушно в камин.

Прошло еще минут семь или восемь.

Рывин встал и на цыпочках вышел из комнаты.

Калтаев посмотрел ему вслед.

Когда дверь за Рывиным закрылась, Шуев сказал:

— Так. Бунтовщик ушел. К чорту бунтовщика!

Все с удивлением переглянулись, а Растопякин поднял голову и уставился на Шуева.

Шуев строго сказал:

— Кто бунтует, — тот негодяй!

Сучков осторожно, под столом, пожал плечами.

— Я за то, чтобы пить уксус, — негромко сказал Макаронов и выжидательно посмотрел на Шуева.

Растопякин икнул и, смутившись, покраснел как девица.

— Смерть бунтовщикам! — крикнул Сучков, оскалив свои черноватые зубы.

ДИВАН*

Одному французу подарили диван, четыре стула и кресло. Сел француз на стул у окна, а самому хочется на диване полежать. Лег француз на диван, а ему уже на кресле посидеть хочется. Встал француз с дивана и сел на кресло, как король, а у самого мысли в голове уже такие, что на кресле-то больно пышно. Лучше попроще, на стуле. Пересел француз на стул у окна, да только не сидится француз на этом стуле, потому что в окно как-то дует. Француз пересел на стул возле печки и почувствовал, что он устал. Тогда француз решил лечь на диван и отдохнуть, но, не дойдя до дивана, свернул в сторону и сел на кресло.

— Вот где хорошо! — сказал француз, но сейчас же прибавил: — А на диване-то, пожалуй, лучше.

НОВЫЕ АЛЬПИНИСТЫ

Бибииков залез на гору, задумался и свалился под гору. Чеченцы подняли Бибиикова и опять поставили его на гору. Бибииков поблагодарил чеченцев и опять свалился под откос. Только его и видели.

Теперь на гору залез Аугенапфель, посмотрел в бинокль и увидел всадника.

— Эй! — закричал Аугенапфель, — где тут поблизости духан?

Всадник скрылся за горой, потом показался возле кустов, потом скрылся за кустами, потом показался в долине, потом скрылся под горой, потом показался на склоне горы и подъехал к Аугенапфелю.

— Где тут поблизости духан? — спросил Аугенапфель.

Всадник показал себе на уши и на рот.

— Ты что, глухонемой? — спросил Аугенапфель.

Всадник почесал затылок и показал себе на живот.

— Что такое? — спросил Аугенапфель.

Всадник вынул из кармана деревянное яблоко и раскусил его пополам.

Тут Аугенапфелю стало не по себе, и он начал пятиться.

А всадник снял с ноги сапог да как крикнет:

— Хал-галлай!

Аугенапфель скакнул куда-то вбок и свалился под откос.

В это время Бибииков, вторично свалившийся под откос еще раньше Аугенапфеля, пришел в себя и начал подниматься на четверинки. Вдруг чувствует, на него сверху кто-то падает. Бибииков отполз в сторону, посмотрел оттуда и видит: лежит какой-то гражданин в клетчатых брюках. Бибииков сел на камушек и стал ждать.

А гражданин в клетчатых брюках полежал, не двигаясь, часа четыре, а потом поднял голову и спрашивает неизвестно кого:

— Это чей духан?

— Какой там духан! Это не духан, — отвечает Биби-ков.

— А вы кто такой? — спрашивает человек в клетчатых брюках.

— Я альпинист Бибииков. А вы кто?

— А я альпинист Аугенапфель.

Таким образом Бибииков и Аугенапфель познакомились друг с другом.

1—2 сентября 1936 года.

ПЯТЬ НЕОКОНЧЕННЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ

Дорогой Яков Семенович,

1. один человек, разбежавшись, ударился головой об кузницу с такой силой, что кузнец отложил в сторону кувалду, которую он держал в руках, снял кожаный передник и, пригладив ладонью волосы, вышел на улицу, посмотреть, что случилось. 2. Тут кузнец увидел человека, сидящего на земле. Человек сидел на земле и держался за голову. 3. "Что случилось?" – спросил кузнец. "Ой!" – сказал человек. 4. Кузнец подошел к человеку поближе. 5. Мы прекращаем повествование о кузнеце и неизвестном человеке и начинаем новое повествование о четырех друзьях гарема. 6. Жили-были четыре любителя гарема. Они считали, что приятно иметь зараз по восьми женщин. Они собирались по вечерам и рассуждали о гаремной жизни. Они пили вино; они напивались пьяными; они валились под стол; они блевали. Было противно смотреть на них. Они кусали друг друга за ноги. Они называли друг друга нехорошими словами. Они ползали на животах своих. 7. Мы прекращаем о них рассказ и приступаем к новому рассказу о пиве. 8. Стояла бочка с пивом, а рядом сидел философ и рассуждал: "Эта бочка наполнена пивом; пиво бродит и крепнет. И я своим разумом брожу по надзвездным вершинам и крепну духом. Пиво есть напиток, текущий в пространстве, я же есть напиток, текущий во времени. 9. Когда пиво заключено в бочке, ему некуда течь. Остановится время, и я встану. 10. Но не остановится время, и мое течение непреложно. 11. Нет, уж пусть лучше и пиво течет свободно, ибо противно законам природы стоять ему на месте". И с этими словами философ открыл кран в бочке, и пиво вылилось на пол. 12. Мы довольно рассказали о пиве; теперь мы расскажем о барабане. 13. Философ бил в барабан и кричал: "Я произвожу философский шум! Этот шум не нужен никому, он даже мешает всем. Но если он мешает всем, то, значит, он не от мира сего.

А если он не от мира сего, то он от мира того. А если он от мира того, то я буду производить его". 14. Долго шумел философ. Но мы оставим эту шумную повесть и перейдем к следующей тихой повести о деревьях. 15. Философ гулял под деревьями и молчал, потому что вдохновение покинуло его.

<1937>.

ВСЕСТОРОННЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ермол а е в. Я был у Блинова, он показал мне свою силу. Ничего подобного я никогда не видал. Это сила зверя! Мне стало страшно. Блинов поднял письменный стол, раскачал его и отбросил от себя метра на четыре.

Доктор. Интересно бы исследовать это явление. Науке известны такие факты, но причины их непонятны. Откуда такая мышечная сила, ученые еще сказать не могут. Познакомьте меня с Блиновым: я дам ему исследовательскую пилюлю.

Ермол а е в. А что это за пилюля, которую вы собираетесь дать Блинову?

Доктор. Как пилюля? Я не собираюсь давать ему пилюлю.

Ермол а е в. Но вы же сами только что сказали, что собираетесь дать ему пилюлю.

Доктор. Нет, нет, вы ошибаетесь. Про пилюлю я не говорил.

Ермол а е в. Ну уж извините, я-то слышал, как вы сказали про пилюлю.

Доктор. Нет.

Ермол а е в. Что нет?

Доктор. Не говорил!

Ермол а е в. Кто не говорил?

Доктор. Вы не говорили.

Ермол а е в. Чего я не говорил?

Доктор. Вы, по-моему, чего-то недоговариваете.

Ермол а е в. Я ничего не понимаю. Чего я недоговариваю?

Доктор. Ваша речь очень типична. Вы проглатываете слова, недоговариваете начатой мысли, торопитесь и заикатесь.

Ермол а е в. Когда же я заикался? Я говорю довольно гладко.

Д о к т о р. Вот в этом-то и есть ваша ошибка. Видите? Вы даже от напряжения начинаете покрываться красными пятнами. У вас еще не похолодели руки?

Е р м о л а е в. Нет. А что?

Д о к т о р. Так. Это мое предположение. Мне кажется, вам уже тяжело дышать. Лучше сядьте, а то вы можете упасть. Ну вот. Теперь вы отдохните.

Е р м о л а е в. Да зачем же это?

Д о к т о р. Тсс. Не напрягайте голосовых связок. Сейчас я вам постараюсь облегчить вашу участь.

Е р м о л а е в. Доктор! Вы меня пугаете.

Д о к т о р. Дружок милый! Я хочу вам помочь. Вот возьмите это. Глотайте.

Е р м о л а е в. Ой! Фу! Какой сладкий отвратительный вкус! Что это вы мне дали?

Д о к т о р. Ничего, ничего. Успокойтесь. Это средство верное.

Е р м о л а е в. Мне жарко, и все кажется зеленого цвета.

Д о к т о р. Да, да, да, дружок милый, сейчас вы умрете.

Е р м о л а е в. Что вы говорите? Доктор! Ой, не могу! Доктор! Что вы мне дали? Ой, доктор!

Д о к т о р. Вы проглотили исследовательскую пилюлю.

Е р м о л а е в. Спасите. Ой. Спасите. Ой. Дайте дышать. Ой. Спас... Ой. Дышать...

Д о к т о р. Замолчал. И не дышит. Значит, уже умер. Умер, не найдя на земле ответов на свои вопросы. Да, мы, врачи, должны всесторонне исследовать явление смерти.

21 июня 1937 года.

СВЯЗЬ

Философ!

1. Пишу Вам в ответ на Ваше письмо, которые Вы собираетесь написать мне в ответ на мое письмо, которое я написал Вам. 2. Один скрипач купил себе магнит и понес его домой. По дороге на скрипача напали хулиганы и сбили с него шапку. Ветер подхватил шапку и понес ее по улице. 3. Скрипач положил магнит на землю и побежал за шапкой. Шапка попала в лужу азотной кислоты и там истлела. 4. А хулиганы тем временем схватили магнит и скрылись. 5. Скрипач вернулся домой без пальто и без шапки, потому что шапка истлела в азотной кислоте, и скрипач, расстроенный потерей своей шапки, забыл пальто в трамвае. 6. Кондуктор того трамвая отнес пальто на барахолку и там его обменял на сметану, крупу и помидоры. 7. Тесть кондуктора объелся помидорами и умер. Труп тестя кондуктора положили в покойницкую, но потом его перепутали и вместо тестя кондуктора похоронили какую-то старушку. 8. На могиле старушки поставили белый столб с надписью: "Антон Сергеевич Кондратьев". 9. Через одиннадцать лет этот столб источили черви, и он упал. А кладбищенский сторож распилил этот столб на четыре части и сжег его в своей плите. А жена кладбищенского сторожа на этом огне сварила суп из цветной капусты. 10. Но, когда суп был уже готов, со стены упали часы прямо в кастрюлю с этим супом. Часы из супа вынули, но в часах были клопы, и теперь они оказались в супе. Суп отдали нищему Тимофею. 11. Нищий Тимофей поел супа с клопами и рассказал нищему Николаю про доброту кладбищенского сторожа. 12. На другой день нищий Николай пришел к кладбищенскому сторожу и стал просить милостыню. Но кладбищенский сторож ничего не дал нищему Николаю и прогнал его прочь. 13. Нищий Николай очень обозлился и поджег дом кладбищенского сторожа. 14. Огонь переки-

нулся с дома на церковь, и церковь сгорела. 15. Повелось длительное следствие, но установить причину пожара не удалось. 16. На том месте, где была церковь, построили клуб, и в день открытия клуба устроили концерт, на котором выступал скрипач, который четырнадцать лет тому назад потерял свое пальто. 17. А среди слушателей сидел сын одного из тех хулиганов, которые четырнадцать лет тому назад сбили шапку с этого скрипача. 18. После концерта они поехали домой в одном трамвае. Но в трамвае, который ехал за ними, вагоновожатым был тот самый кондуктор, который когда-то продал пальто скрипача на барахолке. 19. И вот они едут поздно вечером по городу: впереди — скрипач и сын хулигана, а за ними вагоновожатый — бывший кондуктор. 20. Они едут и не знают, какая между ними связь, и не узнают этого до самой смерти.

14 сентября 1937 года.

МЕДНЫЙ ВЗГЛЯД*

— Видите ли, — сказал он, — я видел, как вы с ними катались третьего дня на лодке. Один из них сидел на руле, двое гребли, а четвертый сидел рядом с вами и говорил. Я долго стоял на берегу и смотрел, как гребли те двое. Да, я могу смело утверждать, что они хотели утопить вас. Так гребут только перед убийством.

Дама в желтых перчатках посмотрела на Клопова.

— Что это значит? — сказала она. — Как это так можно особенно грести перед убийством? И потом, какой смысл им топить меня?

Клопов резко повернулся к даме и сказал:

— Вы знаете, что такое медный взгляд?

— Нет, — сказала дама, невольно отодвигаясь от Клопова.

— Ага, — сказал Клопов. — Когда тонкая фарфоровая чашка падает со шкапа и летит вниз, то в тот момент, пока она еще летит по воздуху, вы уже знаете, что она коснется пола и разлетится на куски. А я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьет его.

— Они смотрели на меня медным взглядом? — спросила дама в желтых перчатках.

— Да, сударыня, — сказал Клопов и надел шляпу. Некоторое время оба молчали.

Клопов сидел, опустив низко голову.

— Простите меня, — вдруг сказал тихо он.

Дама в желтых перчатках с удивлением смотрела на Клопова и молчала.

— Это всё неправда, — сказал Клопов. — Я выдумал про медный взгляд сейчас, вот тут, сидя с вами на скамейке. Я, видите ли, разбил сегодня свои часы, и мне все представляется в мрачном свете.

Клопов вынул из кармана платок, развернул его и протянул даме разбитые часы.

— Я носил их шестнадцать лет. Вы понимаете, что это значит? Разбить часы, которые шестнадцать лет тикали у меня вот тут под сердцем? У вас есть часы?

УПАДАНИЕ

Два человека упало с крыши. Они оба упали с крыши пятиэтажного дома, новостройки. Кажется, школы. Они съехали по крыше в сидячем положении до самой кромки и тут начали падать.

Их падение раньше всех заметила Ида Марковна. Она стояла у окна в противоположном доме и сморкалась в стакан. И вдруг она увидела, что кто-то с крыши противоположного дома начинает падать. Вглядевшись, Ида Марковна увидела, что это начинают падать сразу целых двое. Совершенно растерявшись, Ида Марковна содрала с себя рубашку и начала этой рубашкой скорее протирать запотевшее оконное стекло, чтобы лучше разглядеть, кто там падает с крыши. Однако сообразив, что, пожалуй, падающие могут, со своей стороны, увидеть ее голой и невесть чего про нее подумать, Ида Марковна отскочила от окна и спряталась за плетёный треножник, на котором когда-то стоял горшок с цветком.

В это время падающих с крыши увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна. Она, как раз в это время, сидела с ногами на подоконнике и пришивала к своей туфле пуговку. Взглянув в окно, она увидела падающих с крыши. Ида Марковна взвизгнула и, вскочив с подоконника, начала спешно открывать окно, чтобы лучше увидеть, как падающие с крыши ударятся об землю. Но окно не открывалось. Ида Марковна вспомнила, что она забила окно снизу гвоздем, и кинулась к печке, в которой она хранила инструменты: четыре молотка, долото и клещи.

Схватив клещи, Ида Марковна опять подбежала к окну и выдернула гвоздь. Теперь окно легко распахнулось. Ида Марковна высунулась из окна и увидела, как падающие с крыши со свистом подлетали к земле.

На улице собралась уже небольшая толпа. Уже раздавались свистки, и к месту ожидаемого происшествия

не спеша подходил маленького роста милиционер. Носатый дворник суетился, расталкивая людей и поясняя, что падающие с крыши могут вдарить собравшихся по головам.

К этому времени уж обе Иды Марковны, одна в платье, а другая голая, высунувшись в окно, визжали и били ногами.

И вот наконец, расставив руки и выпучив глаза, падающие с крыши ударились об землю.

Так и мы иногда, упавая с высот достигнутых, ударяемся об унылую клеть нашей будущности.

7 сентября 1940 года.

ВЛАСТЬ

Фаол сказал: "Мы грешим и творим добро вслепую. Один стряпчий ехал на велосипеде и вдруг, доехав до Казанского Собора, исчез. Знает ли он, что дано было сотворить ему: добро или зло? Или такой случай: один артист купил себе шубу и якобы сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продавала эту шубу, но зато другой старушке, а именно своей матери, которая жила у артиста и обыкновенно спала в прихожей, где артист вешал свою новую шубу, он сотворил, по всей видимости, зло, ибо от новой шубы столь невыносимо пахло каким-то формалином и нафталином, что старушка, мать того артиста, однажды не смогла проснуться и умерла. Или еще так: один графолог надрызгался водкой и натворил такое, что тут, пожалуй, и сам полковник Дибич не разобрал бы, что хорошо, а что плохо. Грех от добра отличить очень трудно".

Мышин, задумавшись над словами Фаола, упал со стула.

— Хо-хо, — сказал он, лежа на полу, — че-че.

Фаол продолжал: "Возьмем любовь. Будто хорошо, а будто и плохо. С одной стороны, сказано: возлюби, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь — набалуешь. Что делать? Может, возлюбить, да не так? Тогда зачем же у всех народов одним и тем же словом изображается возлюбить и так и не так? Вот один артист любил свою мать и одну молоденькую полненькую девицу. И любил он их разными способами. Он отдавал девице бóльшую часть своего заработка. Мать частенько голодала, а девица пила и ела за троих. Мать артиста жила в прихожей на полу, а девица имела в своем распоряжении две хорошие комнаты. У девицы было четыре пальто, а у матери одно. И вот артист взял у своей матери это одно пальто и перешил из него девице юбку. Наконец, с девицей артист баловался, а со своей матерью — не ба-

ловался и любил ее чистой любовью. Но смерти матери артист побаивался, а смерти девицы – артист не побаивался. И когда умерла мать, артист плакал, а когда девица вывалилась из окна и тоже умерла, артист не плакал и завел себе другую девицу. Выходит, что мать ценится как уника, вроде редкой марки, которую нельзя заменить другой”.

– Шо-шо, – сказал Мышин, лежа на полу. – Хо-хо.

Фаол продолжал:

”И это называется чистая любовь! Добро ли такая любовь? А если нет, то как же возлюбить? Одна мать любила своего ребенка. Этому ребенку было два с половиной года. Мать носила его в сад и сажала на песочек. Туда же приносили своих детей и другие матери. Иногда на песочке накапливалось до сорока маленьких детей. И вот однажды в этот сад ворвалась бешеная собака, кинулась прямо к детям и начала их кусать. Матери с воплями кинулись к своим детям, в том числе и наша мать. Она, жертвуя собой, подскочила к собаке и вырвала у нее из пасти, как ей казалось, своего ребенка. Но вырвав ребенка, она увидела, что это не ее ребенок, и мать кинула его обратно собаке, чтобы схватить и спасти от смерти лежащего тут же рядом своего ребенка. Кто ответит мне: согрешила ли она или сотворила добро?”

– Сю-сю, – сказал Мышин, ворочаясь на полу.

Фаол продолжал: ”Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Грешит ли зверь? Или грешит только один человек?”

– Млям-млям, – сказал Мышин, прислушиваясь к словам Фаола, – шуп-шуп.

Фаол продолжал: ”Если грешит только один человек, то значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пицци: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим”.

– Умняф, – сказал Мышин, стараясь приподняться с пола.

Фаол продолжал: «Вот я говорил о любви, я говорил о трех состояниях наших, которые называются одним словом "любовь". Ошибка ли это языка или все эти состояния едины? Любовь матери к ребенку, любовь сына к матери и любовь мужчины к женщине, — быть может, это всё одна любовь?»

— Определенно, — сказал Мышин, кивая головой.

Фаол сказал: "Да, я думаю, что сущность любви не меняется от того, кто кого любит. Каждому человеку отпущена известная величина любви. И каждый человек ищет куда бы ее приложить, не скидывая своих фузеляжек. Раскрытие тайн перестановок и мелких свойств нашей души, подобно мешку опилок..."

— Хватить! — крикнул Мышин, вскакивая с пола. — Сгинь!

И Фаол рассыпался, как плохой сахар.

29 сентября 1940 года.

ПОБЕДА МЫШИНА

Мышину сказали:

– Эй, Мышин, вставай!

Мышин сказал:

– Не встану, – и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошел Кулыгин и сказал:

– Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать.

– Нет, – сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнёва и сказала:

– Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаєте нам ходить взад и вперед.

– Мешал и буду мешать, – сказал Мышин.

– Ну знаете, – сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

– Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию.

Позвонили в милицию и вызвали милиционера.

Через полчаса пришел милиционер с дворником.

– Чего у вас тут? – спросил милиционер.

– Полюбуйтесь, – сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

– Вот. Этот гражданин все время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору. Мы его и так и этак...

Но тут Кулыгина перебила Селизнёва и сказала:

– Мы его просим уйти, а он не уходит.

– Да, – сказал Коршунов.

Милиционер подошел к Мышину.

– Вы, гражданин, зачем тут лежите? – спросил милиционер.

– Отдыхаю, – сказал Мышин.

– Здесь, гражданин, отдыхать не годится, – сказал милиционер. Вы где, гражданин, живете?

– Тут, – сказал Мышин.

– Где ваша комната? – спросил милиционер.

— Он прописан в нашей квартире, а комнаты не имеет, — сказал Кулыгин.

— Обождите, гражданин, — сказал милиционер, — я сейчас с ним говорю. Гражданин, где вы спите?

— Тут, — сказал Мышин.

— Позвольте, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Он даже кровати не имеет и валяется прямо на голом полу.

— Они давно на него жалуются, — сказал дворник.

— Совершенно невозможно ходить по коридору, — сказала Селизнёва. — Я не могу вечно шагать через мужчину. А он нарочно ноги вытянет, да еще руки вытянет, да еще на спину ляжет и глядит. Я с работы усталая прихожу, мне отдых нужен.

— Присовокупляю, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Он и ночью тут лежит. Об него в темноте все спотыкаются. Я через него одеяло свое разорвал.

Селизнёва сказала:

— У него вечно из кармана какие-то гвозди вываливаются. Невозможно по коридору босой ходить, того и гляди ногу напорешь.

— Они давеча хотели его керосином поджечь, — сказал дворник.

— Мы его керосином облили, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Мы его только для страха керосином облили, а поджечь и не собирались.

— Да я бы и не позволила в своем присутствии живого человека сжечь, — сказала Селизнёва.

— А почему этот гражданин в коридоре лежит? — спросил вдруг милиционер.

— Здравсьте-пожалуйста! — сказал Коршунов, но Кулыгин его перебил и сказал:

— А потому, что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в этой — вот они, в этой — вот он, а уж Мышин тут в коридоре живет.

– Это не годится, – сказал милиционер. – Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

– А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, – сказал Кулыгин.

– Вот именно, – сказал Коршунов.

– Вот он вечно тут и лежит, – сказала Селизнёва.

– Это не годится, – сказал милиционер и ушел вместе с дворником.

Коршунов подскочил к Мышину.

– Что? – закричал он. – Как вам это по вкусу пришлось?

– Подождите, – сказал Кулыгин и, подойдя к Мышину, сказал: – Слышал, чего говорил милиционер? Вставай с полу!

– Не встану, – сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

– Он теперь нарочно и дальше будет вечно тут лежать, – сказала Селизнёва.

– Определенно, – сказал с раздражением Кулыгин. И Коршунов сказал:

– Я в этом не сомневаюсь. Parfaitement*!

8 октября 1940 года.

* Совсем! (фр.)

ЛЕКЦИЯ

Пушков сказал:

– Женщина – это станок любви.

И тут же получил по морде.

– За что? – спросил Пушков.

Но, не получив ответа на свой вопрос, продолжал:

– Я думаю так: к женщине надо подкатываться снизу. Женщины это любят и только делают вид, что они этого не любят.

Тут Пушкова опять стукнули по морде.

– Да что же это такое, товарищи! Я тогда и говорить не буду, – сказал Пушков.

Но, подождав с четверть минуты, продолжал:

– Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная.

Тут Пушкова опять стукнули по морде. Пушков попробовал сделать вид, что он этого не заметил, и продолжал:

– Если женщину понюхать...

Но тут Пушкова так сильно трахнули по морде, что он схватился за щеку и сказал:

– Товарищи, в таких условиях совершенно невозможно провести лекцию. Если это будет еще повторяться, я замолчу.

Пушков подождал четверть минуты и продолжал:

– На чем мы остановились? Ах да! Так вот. Женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...

На этом слове Пушков опять получил по морде.

– Голая, – повторил Пушков.

Трах! – отвесили ему по морде.

– Голая! – крикнул Пушков.

Трах! – получил он по морде.

– Голая! Женщина голая! Голая баба! – кричал Пушков.

Трах! Трах! Трах! – получил Пушков по морде.

– Голая баба с ковшом в руках! – кричал Пушкив.
Трах! Трах! – сыпались на Пушкива удары.

– Бабий хвост! – кричал Пушкив, увертываясь от ударов. – Голая монашка!

Но тут Пушкива ударили с такой силой, что он потерял сознание и как подкошенный рухнул на пол.

12 октября 1940 года.

ПОМЕХА

Пронин сказал:

— У вас очень красивые чулки.

Ирина Мозер сказала:

— Вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

— О, да. Очень. — И схватился за них рукой.

Ирина сказала:

— А почему вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

— Они очень гладкие.

Ирина подняла свою юбку и сказала:

— А вы видите, какие они высокие?

Пронин сказал:

— Ой, да, да.

Ирина сказала:

— Но вот тут они уже кончаются. Тут уже идет голая нога.

— Ой, какая нога! — сказал Пронин.

— У меня очень толстые ноги, — сказала Ирина. — А в бедрах я очень широкая.

— Покажите, — сказал Пронин.

— Нельзя, — сказала Ирина. — Я без панталон.

Пронин опустился перед ней на колени.

Ирина сказала:

— Зачем вы встали на колени?

Пронин поцеловал ее ногу чуть повыше чулка и сказал:

— Вот зачем.

Ирина сказала:

— Зачем вы поднимаете мою юбку еще выше? Я же вам сказала, что я без панталон.

Но Пронин все-таки поднял ее юбку и сказал:

— Ничего, ничего.

— То есть как это так ничего? — сказала Ирина.

Но тут в двери кто-то постучал. Ирина быстро одер-

нула свою юбку, а Пронин встал с пола и подошел к окну.

— Кто там? — спросила Ирина через двери.

— Откройте дверь, — сказал резкий голос.

Ирина открыла дверь, и в комнату вошел человек в черном пальто и в высоких сапогах. За ним вошли двое военных, низших чинов, с винтовками в руках, а за ними вошел дворник. Низшие чины встали около двери, а человек в черном пальто подошел к Ирине Мозер и сказал:

— Ваша фамилия?

— Мозер, — сказала Ирина.

— Ваша фамилия? — спросил человек в черном пальто, обращаясь к Пронину.

Пронин сказал:

— Моя фамилия Пронин.

— У вас оружие есть? — спросил человек в черном пальто.

— Нет, — сказал Пронин.

— Сядьте сюда, — сказал человек в черном пальто, указывая Пронину на стул.

Пронин сел.

— А вы, — сказал человек в черном пальто, обращаясь к Ирине, — наденьте ваше пальто. Вам придется с нами проехать.

— Куда? Зачем? — спросила Ирина.

Человек в черном пальто не ответил.

— Мне нужно переодеться, — сказала Ирина.

— Нет, — сказал человек в черном пальто.

— Но мне нужно еще кое-что на себя надеть, — сказала Ирина.

— Нет, — сказал человек в черном пальто.

Ирина молча надела свою шубку.

— Прощайте, — сказала она Пронину.

— Разговоры запрещены, — сказал человек в черном пальто.

— А мне тоже ехать с вами? — спросил Пронин.

— Да, — сказал человек в черном пальто. — Одевайтесь.

Пронин встал, снял с вешалки свое пальто и шляпу, оделся и сказал:

— Ну, я готов.

— Идемте, — сказал человек в черном пальто.

Низшие чины и дворник застучали подметками.

Все вышли в коридор.

Человек в черном пальто запер дверь Ирининой комнаты и запечатал ее двумя бурыми печатями.

— Даешь на улицу, — сказал он.

И все вышли из квартиры, громко хлопнув наружной дверью.

12 октября 1940 года.

СИМФОНИЯ № 2

Антон Михайлович плюнул, сказал "эх", опять плюнул, опять сказал "эх", опять плюнул, опять сказал "эх" и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1893 году, в Константинополе. Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург, и тут он окончил немецкую школу на Кирочной улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом еще чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнатьевну.

Но про Анну Игнатьевну рассказать не так-то просто. Во-первых, я о ней ничего не знаю, а во-вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чем собирался рассказывать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, неглупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима Измайловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но все же забавный, ибо Марина Петровна благодаря меня совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришел я однажды к Марине Петровне, а она трах! — и облысела. Вот и всё.

9—10 июня 1941 года.

*... И между ними происходит
следующий разговор.*

Гамсун.

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю ее: "Который час?"

— Посмотрите, — говорит мне старуха.

Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок.

— Тут нет стрелок, — говорю я.

Старуха смотрит на циферблат и говорит мне:

— Сейчас без четверти три.

— Ах, так. Большое спасибо, — говорю я и ухожу.

Старуха кричит мне что-то вслед, но я иду не оглядываясь. Я выхожу на улицу и иду по солнечной стороне. Весеннее солнце очень приятно. Я иду пешком, шурю глаза и курю трубку. На углу Садовой мне попадается навстречу Сакердон Михайлович. Мы здороваемся, останавливаемся и долго разговариваем. Мне надоедает стоять на улице и я приглашаю Сакердона Михайловича в подвальчик. Мы пьем водку, закусываем крутым яйцом с килькой, потом прощаемся, и я иду дальше один.

Тут я вдруг вспоминаю, что забыл дома выключить электрическую печку. Мне очень досадно. Я поворачиваюсь и иду домой. Так хорошо начался день, и вот уже первая неудача. Мне не следовало выходить на улицу.

Я прихожу домой, снимаю куртку, вынимаю из жилетного кармана часы и вешаю их на гвоздик; потом запираю дверь на ключ и ложусь на кушетку. Буду лежать и постараюсь заснуть.

С улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казни. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватках и не могут даже есть, потому

что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что еще целый месяц должны пролежать в постелях. Потом они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают.

Я лежу на кушетке с открытыми глазами и не могу заснуть. Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел сегодня на дворе, и мне делается приятно, что на ее часах не было стрелок. А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки.

Боже мой! ведь я еще не выключил электрической печки! Я вскакиваю и выключаю ее, потом опять ложусь на кушетку и стараюсь заснуть. Я закрываю глаза. Мне не хочется спать. В окно светит весеннее солнце, прямо на меня. Мне становится жарко. Я встаю и сажусь в кресло у окна.

Теперь мне хочется спать, но я спать не буду. Я возьму бумагу и перо и буду писать. Я чувствую в себе страшную силу. Я все обдумал еще вчера. Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть пальцем, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда.

Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь. Скорее, скорее за работу! Долой всякий сон и лень! Я буду писать восемнадцать часов подряд!

От нетерпения я весь дрожу. Я не могу сообразить, что мне делать: мне нужно было взять перо и бумагу, а

я хватал разные предметы, совсем не те, которые мне были нужны. Я бегал по комнате: от окна к столу, от стола к печке, от печки опять к столу, потом к дивану и опять к окну. Я задыхался от пламени, которое пылало в моей груди. Сейчас только пять часов. Впереди весь день, и вечер, и вся ночь...

Я стою посередине комнаты. О чем же я думаю? Ведь уже двадцать минут шестого. Надо писать. Ядвигаю к окну столик и сажусь за него. Передо мною клетчатая бумага, в руке перо.

Мое сердце еще слишком бьется, и рука дрожит. Я жду, чтобы немножко успокоиться. Я кладу перо и набиваю трубку. Солнце светит мне прямо в глаза, я жмурюсь и трубку закуриваю.

Вот мимо окна пролетает ворона. Я смотрю из окна на улицу и вижу, как по панели идет человек на механической ноге. Он громко стучит своей ногой и палкой.

— Так, — говорю я сам себе, продолжая смотреть в окно.

Солнце прячется за трубу противостоящего дома. Тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Надо воспользоваться этой тенью и написать несколько слов о чудотворце. Я хватаю перо и пишу:

”Чудотворец был высокого роста”.

Больше я ничего написать не могу. Я сижу до тех пор, пока не начинаю чувствовать голод. Тогда я встаю и иду к шкапику, где хранится у меня провизия, я шарю там, но ничего не нахожу. Кусок сахара и больше ничего.

В дверь кто-то стучит.

— Кто там?

Мне никто не отвечает. Я открываю дверь и вижу перед собой старуху, которая утром стояла на дворе с часами. Я очень удивлен и ничего не могу сказать.

— Вот я и пришла, — говорит старуха и входит в мою комнату.

Я стою у двери и не знаю, что мне делать: выгнать старуху или, наоборот, предложить ей сесть? Но ста-

руха сама идет к моему креслу возле окна и садится в него.

— Закрой дверь и запри ее на ключ, — говорит мне старуха.

Я закрываю и запираю дверь.

— Встань на колени, — говорит старуха.

И я становлюсь на колени.

Но тут я начинаю понимать всю нелепость своего положения. Зачем я стою на коленях перед какой-то старухой? Да и почему эта старуха находится в моей комнате и сидит в моем любимом кресле? Почему я не выгнал эту старуху?

— Послушайте-ка, — говорю я, — какое право имеете вы распоряжаться в моей комнате да еще командовать мной? Я вовсе не хочу стоять на коленях.

— И не надо, — говорит старуха. — Теперь ты должен лечь на живот и уткнуться лицом в пол.

Я тотчас исполнил приказание...

Я вижу перед собой правильно начерченные квадраты. Боль в плече и в правом бедре заставляет меня изменить положение. Я лежал ничком, теперь я с большим трудом поднимаюсь на колени. Все члены мои затекли и плохо сгибаются. Я оглядываюсь и вижу себя в своей комнате, стоящего на коленях посередине пола. Сознание и память медленно возвращаются ко мне. Я еще раз оглядываю комнату и вижу, что на кресле у окна будто сидит кто-то. В комнате не очень светло, потому что сейчас, должно быть, белая ночь. Я пристально вглядываюсь. Господи! Неужели это старуха все еще сидит в моем кресле? Я вытягиваю шею и смотрю. Да, конечно, это сидит старуха и голову опустила на грудь. Должно быть, она уснула.

Я поднимаюсь и прихрамывая подхожу к ней. Голова старухи опущена на грудь, руки висят по бокам кресла. Мне хочется схватить эту старуху и вытолкать ее за дверь.

— Послушайте, — говорю я, — вы находитесь в моей комнате. Мне надо работать. Я прошу вас уйти.

Старуха не движется. Я нагибаюсь и заглядываю ста-

рухе в лицо. Рот у нее приоткрыт, и изо рта торчит соскочившая вставная челюсть. И вдруг мне делается все ясно: старуха умерла.

Меня охватывает страшное чувство досады. Зачем она умерла в моей комнате? Я терпеть не могу покойников. А теперь возись с этой падалью, иди разговаривать с дворником и управдомом, объясняй им, почему эта старуха оказалась у меня. Я с ненавистью посмотрел на старуху. А может быть, она и не умерла? Я щупаю ее лоб. Лоб холодный. Рука тоже. Ну что мне делать?

Я закуриваю трубку и сажусь на кушетку. Безумная злость поднимается во мне.

— Вот сволочь! — говорю я вслух.

Мертвая старуха как мешок сидит в моем кресле. Зубы торчат у нее изо рта. Она похожа на мертвую лошадь.

— Противная картина, — говорю я, но закрыть старуху газетой не могу, потому что мало ли что может случиться под газетой.

За стеной слышно движение: это встает мой сосед, паровозный машинист. Еще того не хватало, чтобы он пронюхал, что у меня в комнате сидит мертвая старуха! Я прислушиваюсь к шагам соседа. Чего он медлит? Уже половина шестого! Ему давно пора уходить. Боже мой! Он собирается пить чай! Я слышу, как за стенкой шумит примус. Ах, поскорее ушел бы этот проклятый машинист!

Я забираюсь на кушетку с ногами и лежу. Проходит восемь минут, но чай у соседа еще не готов и примус шумит. Я закрываю глаза и дремлю.

Мне снится, что сосед ушел и я, вместе с ним, выхожу на лестницу и захлопываю за собой дверь с французским замком. Ключа у меня нет, и я не могу попасть обратно в квартиру. Надо звонить и будить остальных жильцов, а это уж совсем плохо. Я стою на площадке лестницы и думаю, что мне делать, и вдруг вижу, что у меня нет рук. Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны — вилка.

— Вот, — говорю я Сакердону Михайловичу, который сидит почему-то тут же на складном стуле. — Вот видите, — говорю я ему, — какие у меня руки?

А Сакердон Михайлович сидит молча, и я вижу, что это не настоящий Сакердон Михайлович, а глиняный.

Тут я просыпаюсь и сразу же понимаю, что лежу у себя в комнате на кушетке, а у окна, в кресле, сидит мертвая старуха.

Я быстро поворачиваю к ней голову. Старухи в кресле нет. Я смотрю на пустое кресло, и дикая радость наполняет меня. Значит, это все был сон. Но только где же он начался? Входила ли старуха вчера в мою комнату? Может быть, это тоже был сон? Я вернулся вчера домой, потому что забыл выключить электрическую печку. Но, может быть, и это был сон? Во всяком случае, как хорошо, что у меня в комнате нет мертвой старухи и, значит, не надо идти к управдому и возиться с покойником!

Однако сколько же времени я спал? Я посмотрел на часы: половина десятого, должно быть, утра.

Господи! Чего только не приснится во сне!

Я спустил ноги с кушетки, собираясь встать, и вдруг увидел мертвую старуху, лежащую на полу за столом, возле кресла. Она лежала лицом вверх, и вставная челюсть, выскочив изо рта, впиалась одним зубом старухе в ноздрю. Руки подвернулись под туловище, и их не было видно, а из-под задравшейся юбки торчали костлявые ноги в белых, грязных шерстяных чулках.

— Сволочь! — крикнул я и, подбежав к старухе, ударил ее сапогом по подбородку.

Вставная челюсть отлетела в угол. Я хотел ударить старуху еще раз, но побоялся, чтобы на теле не остались знаки, а то еще потом решат, что это я убил ее.

Я отошел от старухи, сел на кушетку и закурил трубку. Так прошло минут двадцать. Теперь мне стало ясно, что все равно дело передадут в уголовный розыск и следственная бестолочь обвинит меня в убийстве. Положение выходит серьезное, а тут еще этот удар сапогом.

Я подошел опять к старухе, наклонился и стал рассматривать ее лицо. На подбородке было маленькое темное пятнышко. Нет, придраться нельзя. Мало ли что? Может быть, старуха еще при жизни стукнулась обо что-нибудь? Я немного успокаиваюсь и начинаю ходить по комнате, куря трубку и обдумывая свое положение.

Я хожу по комнате и начинаю чувствовать голод, все сильнее и сильнее. От голода я начинаю даже дрожать. Я еще раз шарю в шкапике, где хранится у меня провизия, но ничего не нахожу, кроме куска сахара.

Я вынимаю свой бумажник и считаю деньги. Одиннадцать рублей. Значит, я могу купить себе ветчинной колбасы и хлеб и еще останется на табак.

Я поправляю сбившийся за ночь галстук, беру часы, надеваю куртку, выхожу в коридор, тщательно запираю дверь своей комнаты, кладу ключ себе в карман и выхожу на улицу. Надо раньше всего поесть, тогда мысли будут яснее и тогда я предприму что-нибудь с этой палаткой.

По дороге в магазин еще приходит в голову: не зайти ли мне к Сакердону Михайловичу и не рассказать ли ему все, может быть, вместе мы скорее придумаем, что делать. Но я тут же отклоняю эту мысль, потому что некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей.

В магазине не было ветчинной колбасы, и я купил себе полкило сарделек. Табака тоже не было. Из магазина я пошел в булочную.

В булочной было много народу, и к кассе стояла длинная очередь. Я сразу нахмурился, но все-таки в очередь встал. Очередь подвигалась очень медленно, а потом и вовсе остановилась, потому что у кассы произошел какой-то скандал.

Я делал вид, что ничего не замечаю, и смотрел в спину молоденькой дамочки, которая стояла в очереди передо мной. Дамочка была, видно, очень любопытной: она вытягивала шейку, то вправо, то влево и поминутно становилась на цыпочки, чтобы лучше разглядеть, что

происходит у кассы. Наконец она повернулась ко мне и спросила:

— Вы не знаете, что там происходит?

— Простите, не знаю, — сказал я как можно суше. Дамочка повертелась в разные стороны и наконец опять обратилась ко мне:

— Вы не могли бы пойти и выяснить, что там происходит?

— Простите, меня это нисколько не интересует, — сказал я еще суше.

— Как не интересует? — воскликнула дамочка. — Ведь вы же сами задерживаетесь из-за этого в очереди!

Я ничего не ответил и только слегка поклонился. Дамочка внимательно посмотрела на меня.

— Это, конечно, не мужское дело стоять в очередях за хлебом, — сказала она. — Мне жалко вас, вам приходится тут стоять. Вы, должно быть, холостой?

— Да, холостой, — ответил я, несколько сбитый с толку, но по инерции продолжая отвечать довольно сухо и при этом слегка кланяясь.

Дамочка еще раз осмотрела меня с головы до ног и вдруг, притронувшись пальцем к моему рукаву, сказала:

— Давайте я куплю что вам нужно, а вы подождите меня на улице.

Я совершенно растерялся.

— Благодарю вас, — сказал я. — Это очень мило с вашей стороны, но, право, я мог бы и сам.

— Нет, нет, — сказала дамочка, — ступайте на улицу. Что вы собирались купить?

— Видите ли, — сказал я, — я собирался купить полкило черного хлеба, но только формового, того, который дешевле. Я его больше люблю.

— Ну вот и хорошо, — сказала дамочка. — А теперь идите. Я куплю, а потом рассчитаемся.

И она даже слегка подтолкнула меня под локоть.

Я вышел из булочной и встал у самой двери. Весеннее солнце светит мне прямо в лицо. Я закурываю трубку. Какая милая дамочка! Это теперь так редко. Я стою,

жмурюсь от солнца, курю трубку и думаю о милой дамочке. Ведь у нее светлые карие глазки. Просто прелесть какая она хорошенькая!

— Вы курите трубку? — слышу я голос рядом с собой. Милая дамочка протягивает мне хлеб.

— О, бесконечно вам благодарен, — говорю я, беря хлеб.

— А вы курите трубку! Это мне страшно нравится, — говорит милая дамочка.

И между нами происходит следующий разговор.

Она: Вы, значит, сами ходите за хлебом?

Я: Не только за хлебом; я себе все сам покупаю.

Она: А где же вы обедаете?

Я: Обыкновенно я сам варю себе обед. А иногда ем в пивной.

Она: Вы любите пиво?

Я: Нет, я больше люблю водку.

Она: Я тоже люблю водку.

Я: Вы любите водку? Как это хорошо! Я хотел бы когда-нибудь с вами вместе выпить.

Она: И я тоже хотела бы выпить с вами водки.

Я: Простите, можно вас спросить об одной вещи?

Она (сильно покраснев): Конечно, спрашивайте.

Я: Хорошо, я спрошу вас. Вы верите в Бога?

Она (удивленно): В Бога? Да, конечно.

Я: А что вы скажете, если нам сейчас купить водку и пойти ко мне. Я живу тут рядом.

Она (задно): Ну что же, я согласна!

Я: Тогда идемте.

Мы заходим в магазин, и я покупаю пол-литра водки. Больше у меня денег нет, какая-то только мелочь. Мы все время говорим о разных вещах, и вдруг я вспоминаю, что у меня в комнате, на полу, лежит мертвая старуха.

Я оглядываюсь на мою новую знакомую: она стоит у прилавка и рассматривает банки с вареньем. Я осторожно пробираюсь к двери и выхожу из магазина. Как

раз, против магазина, останавливается трамвай. Я вскакиваю в трамвай, даже не посмотрев на его номер. На Михайловской улице я вылезая и иду к Сакердону Михайловичу. У меня в руках бутылка с водкой, сардельки и хлеб.

Сакердон Михайлович сам открыл мне двери. Он был в халате, накинутом на голое тело, в русских сапогах с отрезанными голенищами и в меховой с наушниками шапке, но наушники были подняты и завязаны на макушке бантом.

— Очень рад, — сказал Сакердон Михайлович, увидя меня.

— Я не оторвал вас от работы? — спросил я.

— Нет, нет, — сказал Сакердон Михайлович. — Я ничего не делал, а просто сидел на полу.

— Видите ли, — сказал я Сакердону Михайловичу. — Я к вам пришел с водкой и с закуской. Если вы ничего не имеете против, давайте выпьем.

— Очень хорошо, — сказал Сакердон Михайлович. — Вы входите.

Мы прошли в его комнату. Я откупорил бутылку с водкой, а Сакердон Михайлович поставил на стол две рюмки и тарелку с вареным мясом.

— Тут у меня сардельки, — сказал я. — Так, как мы будем их есть: сырыми или будем варить?

— Мы их поставим варить, — сказал Сакердон Михайлович, — а пока они варятся, мы будем пить водку под вареное мясо. Оно из супа, превосходное вареное мясо!

Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб это только солома, которая гниет в наших желудках.

— Ваше здоровье! — сказал я, чокаясь с Сакердоном Михайловичем.

Мы выпили и закусили холодным мясом.

— Вкусно, — сказал Сакердон Михайлович. Но в это мгновение в комнате что-то резко щелкнуло.

— Что это? — спросил я.

Мы сидели молча и прислушивались. Вдруг шелкнуло еще раз. Сакердон Михайлович вскочил со стула и, подбежав к окну, сорвал занавеску.

— Что вы делаете? — крикнул я.

Но Сакердон Михайлович, не отвечая мне, кинулся к керосинке, схватил занавеской кастрюльку и поставил ее на пол.

— Чорт побери! — сказал Сакердон Михайлович. — Я забыл в кастрюльку налить воды, а кастрюлька эмалированная и теперь эмаль отскочила.

— Все понятно, — сказал я, кивая головой.

Мы сели опять за стол.

— Чорт с ними, — сказал Сакердон Михайлович, — мы будем есть сардельки сырыми.

— Я страшно есть хочу, — сказал я.

— Кушайте, — сказал Сакердон Михайлович, подвигая мне сардельки.

— Ведь я последний раз ел вчера, с вами в подвальчике, и с тех пор ничего еще не ел, — сказал я.

— Да, да, да, — сказал Сакердон Михайлович.

— Я все время писал, — сказал я.

— Чорт побери! — утрированно вскричал Сакердон Михайлович. — Приятно видеть перед собой гения.

— Еще бы! — сказал я.

— Много поди наваляли? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я. — Исписал пропасть бумаги.

— За гения наших дней, — сказал Сакердон Михайлович, поднимая рюмки.

Мы выпили. Сакердон Михайлович ел вареное мясо, а я — сардельки. Съев четыре сардельки, я закурил трубку и сказал:

— Вы знаете, я ведь к вам пришел, спасаясь от преследования.

— Кто же вас преследовал? — спросил Сакердон Михайлович.

— Дама, — сказал я. Но так как Сакердон Михайлович ничего меня не спросил, а только молча налил в рюмки водку, то я продолжал.

— Я с ней познакомился в булочной и сразу влюбился.

— Хороша? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — в моем вкусе.

Мы выпили, и я продолжал:

— Она согласилась идти ко мне и пить водку. Мы зашли в магазин, но из магазина мне пришлось потихоньку удрать.

— Не хватило денег? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, денег хватило в обрез, — сказал я, — но я вспомнил, что не могу пустить ее в свою комнату.

— Что же, у вас в комнате была другая дама? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, если хотите, у меня в комнате находится другая дама, — сказал я, улыбаясь. — Теперь я никого к себе в комнату не могу пустить.

— Женитесь. Будете приглашать меня к обеду, — сказал Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, фыркая от смеха. — На этой даме я не женюсь.

— Ну тогда женитесь на той, которая из булочной, — сказал Сакердон Михайлович.

— Да что вы всё хотите меня женить? — сказал я.

— А что же? — сказал Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — За ваши успехи!

Мы выпили. Видно, водка начала оказывать на нас свое действие. Сакердон Михайлович снял свою меховую с наушниками шапку и швырнул ее на кровать. Я встал и прошелся по комнате, ощущая уже некоторое головокружение.

— Как вы относитесь к покойникам? — спросил я Сакердона Михайловича.

— Совершенно отрицательно, — сказал Сакердон Михайлович. — Я их боюсь.

— Да, я тоже терпеть не могу покойников, — сказал я. — Подвернись мне покойник, и не будь он мне родственником, я бы, должно быть, пнул бы его ногой.

— Не надо лягать мертвецов, — сказал Сакердон Михайлович.

— А я бы пнул его сапогом прямо в морду, — сказал я. — Терпеть не могу покойников и детей.

— Да, дети — гадость, — согласился Сакердон Михайлович.

— А что, по-вашему, хуже: покойники или дети? — спросил я.

— Дети, пожалуй, хуже, они чаще мешают нам. А покойники все-таки не врываються в нашу жизнь, — сказал Сакердон Михайлович.

— Врываються! — крикнул я и сейчас же замолчал.

Сакердон Михайлович внимательно посмотрел на меня.

— Хотите еще водки? — спросил он.

— Нет, — сказал я, но, спохватившись, прибавил: — Нет, спасибо, я больше не хочу.

Я подошел и сел опять за стол. Некоторое время мы молчим.

— Я хочу спросить вас, — говорю я наконец. — Вы веруете в Бога?

У Сакердона Михайловича появляется на лбу поперечная морщина, и он говорит:

— Есть неприличные поступки. Неприлично спросить у человека пятьдесят рублей в долг, если вы видели, как он только что положил себе в карман двести. Его дело: дать вам деньги или отказать; и самый удобный и приятный способ отказа — это соврать, что денег нет. Вы же видели, что у того человека деньги есть, и тем самым лишили его возможности вам просто и приятно отказать. Вы лишили его права выбора, а это свинство. Это неприличный и бестактный поступок. И спросить человека: "веруете ли вы в Бога?" — тоже поступок бестактный и неприличный.

— Ну, — сказал я, — тут уж нет ничего общего.

— А я и не сравниваю, — сказал Сакердон Михайлович.

— Ну, хорошо, — сказал я, — оставим это. Извините только меня, что я задал вам такой неприличный и бестактный вопрос.

— Пожалуйста, — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь я просто отказался отвечать вам.

— Я бы тоже не ответил, — сказал я, — да только по другой причине.

— По какой же? — вяло спросил Сакердон Михайлович.

— Видите ли, — сказал я, — по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить.

— Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят? — сказал Сакердон Михайлович. — А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?

— Может быть, и так, — сказал я. — Не знаю.

— А верят или не верят во что? В Бога? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, — в бессмертие.

— Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога?

— Да просто потому, что спросить: верите ли вы в бессмертие? — звучит как-то глупо, — сказал я Сакердону Михайловичу и встал.

— Вы что, уходите? — спросил меня Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — мне пора.

— А что же водка? — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь и осталось-то всего по рюмке.

— Ну, давайте допьем, — сказал я.

Мы допили водку и закусили остатками вареного мяса.

— А теперь я должен идти, — сказал я.

— До свидания, — сказал Сакердон Михайлович, провожая меня через кухню на лестницу. — Спасибо за угощение.

— Спасибо вам, — сказал я. — До свидания.

И я ушел.

Оставшись один, Сакердон Михайлович убрал со стола, закинул на шкаф пустую водочную бутылку, надел опять на голову свою меховую с наушниками шапку и сел под окном на пол. Руки Сакердон Михайлович заложил за спину, и их не было видно. А из-под задравшегося халата торчали голые костлявые ноги, обутые в русские сапоги с отрезанными голенищами.

Я шел по Невскому, погруженный в свои мысли. Мне надо сейчас же пройти к управдому и рассказать ему все. А разделившись со старухой, я буду целые дни стоять около булочной, пока не встречу ту милую дамочку. Ведь я остался ей должен за хлеб 48 копеек. У меня есть прекрасный предлог ее разыскивать. Выпитая водка продолжала еще действовать, и казалось, что все складывается очень хорошо и просто.

На Фонтанке я подошел к ларьку и, на оставшуюся мелочь, выпил большую кружку хлебного кваса. Квас был плохой и кислый, и я пошел дальше с мерзким вкусом во рту.

На углу Литейной какой-то пьяный, пошатнувшись, толкнул меня. Хорошо, что у меня нет револьвера: я убил бы его тут же на месте.

До самого дома я шел, должно быть, с искаженным от злости лицом. Во всяком случае почти все встречные обращивались на меня.

Я вошел в домовую контору. На столе сидела низкорослая, грязная, курносая, кривая и белобрысая девка и, глядясь в ручное зеркальце, мазала себе помадой губы.

— А где же управдом? — спросил я.

Девка молчала, продолжая мазать губы.

— Где управдом? — повторил я резким голосом.

— Завтра будет, не сегодня, — отвечала грязная, курносая, кривая и белобрысая девка.

Я вышел на улицу. По противоположной стороне шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Шесть мальчишек бежало за инвалидом, передразнивая его походку.

Я завернул в свою парадную и стал подниматься по лестнице. На втором этаже я остановился; противная мысль пришла мне в голову: ведь старуха должна начать разлагаться. Я не закрыл окна, а говорят, что при открытом окне покойники разлагаются быстрее. Вот ведь глупость какая! И этот чортов управдом будет только завтра! Я постоял в нерешительности несколько минут и стал подниматься дальше.

Около двери в свою квартиру я опять остановился. Может быть, пойти к булочной и ждать там ту милую дамочку? Я бы стал умолять ее пустить меня к себе на две или три ночи. Но тут я вспоминаю, что сегодня она уже купила хлеб и, значит, в булочную не придет. Да и вообще из этого ничего бы не вышло.

Я отпер дверь и вошел в коридор. В конце коридора горел свет, и Марья Васильевна, держа в руках какую-то тряпку, терла по ней другой тряпкой. Увидя меня, Марья Васильевна крикнула:

— Ваш спрашивал какой-то штарик!

— Какой старик? — сказал я.

— Не жнаю, — отвечала Марья Васильевна.

— Когда это было? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна.

— Вы разговаривали со стариком? — спросил я Марью Васильевну.

— Я, — отвечала Марья Васильевна.

— Так как же вы не знаете, когда это было? — сказал я.

— Чишá два тому нажад, — сказала Марья Васильевна.

— А как этот старик выглядел? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна и ушла на кухню.

Я подошел к своей комнате.

”Вдруг, — подумал я, — старуха исчезла. Я войду в комнату, а старухи-то и нет. Боже мой! Неужели чудес не бывает?!”

Я отпер дверь и начал ее медленно открывать. Может быть, это только показалось, но мне в лицо пахнул приторный запах начавшегося разложения. Я заглянул в приотворенную дверь и, на мгновение, застыл на месте. Старуха на четверинках медленно ползла ко мне навстречу.

Я с криком захлопнул дверь, повернул ключ и отскочил к противоположной стенке.

В коридоре появилась Марья Васильевна.

— Вы меня жвали? — спросила она.

Меня так трясло, что я ничего не мог ответить и только отрицательно замотал головой. Марья Васильевна подошла поближе.

— Вы ш кем-то ражговаривали, — сказала она.

Я опять отрицательно замотал головой.

— Шумашедший, — сказала Марья Васильевна и опять ушла на кухню, несколько раз по дороге оглянувшись на меня.

“Так стоять нельзя. Так стоять нельзя”, — повторял я мысленно. Эта фраза сама собой сложилась где-то внутри меня. Я твердил ее до тех пор, пока она не дошла до моего сознания.

— Да, так стоять нельзя, — сказал я себе, но продолжал стоять как парализованный. Случилось что-то ужасное, но предстояло сделать что-то, может быть, еще более ужасное, чем то, что уже произошло. Вихрь кружил мои мысли, и я только видел злобные глаза мертвой старухи, медленно ползущей ко мне на четверинках.

Ворваться в комнату и раздробить этой старухе череп. Вот что надо сделать! Я даже поискал глазами и остался доволен, увидя крокетный молоток, неизвестно для чего уже в продолжении многих лет стоящий в углу коридора. Схватить молоток, ворваться в комнату и трах!..

Озноб еще не прошел. Я стоял с поднятыми плечами от внутреннего холода. Мысли мои скакали, путались, возвращались к исходному пункту и вновь скакали, захватывая новые области, а я стоял и прислушивался к своим мыслям и был как бы в стороне от них и был как бы не их командир.

— Покойники, — объясняли мне мои собственные мысли, — народ неважный. Их зря называют п о к о й н и к и, они скорее б е с п о к о й н и к и. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались. Бывают, в этом смысле, забавные случаи. Один покойник, пока сторож, по приказанию начальства, мылся в бане, выполз из мертвецкой, заполз в дезинфекцион-

ную камеру и съел там кучу белья. Дезинфекторы здорово отлупцевали этого покойника, но за испорченное белье им пришлось рассчитываться из своих собственных карманов. А другой покойник заполз в палату рожениц и так перепугал их, что одна роженица тут же произвела преждевременный выкидыш, а покойник набросился на выкинутый плод и начал его, чавкая, пожирать. А когда одна храбрая сиделка ударила покойника по спине табуреткой, то он укусил эту сиделку за ногу, и она вскоре умерла от заражения трупным ядом. Да, покойники народ неважный, и с ними надо быть начеку.

— Стоп! — сказал я своим собственным мыслям. — Вы говорите чушь. Покойники неподвижны.

— Хорошо, — сказали мне мои собственные мысли, — войди тогда в свою комнату, где находится, как ты говоришь, неподвижный покойник.

Неожиданное упрямство заговорило во мне.

— И войду! — сказал я решительно своим собственным мыслям.

— Попробуй! — насмешливо сказали мне мои собственные мысли.

Эта насмешливость окончательно взбесила меня. Я схватил крокетный молоток и кинулся к двери.

— Подожди! — закричали мне мои собственные мысли. Но я уже повернул ключ и распахнул дверь.

Старуха лежала у порога, уткнувшись лицом в пол.

С поднятым крокетным молотком я стоял наготове. Старуха не шевелилась.

Озноб прошел, и мысли мои текли ясно и четко. Я был командиром их.

— Раньше всего закрыть дверь! — скомандовал я сам себе.

Я вынул ключ с наружной стороны двери и вставил его с внутренней. Я сделал это левой рукой, а в правой я держал крокетный молоток и все время не спускал со старухи глаз. Я запер дверь на ключ и, осторожно переступив через старуху, вышел на середину комнаты.

— Теперь мы с тобой рассчитаемся, — сказал я. У меня возник план, к которому обыкновенно прибегают убийцы из уголовных романов и газетных происшествий: я просто хотел запрятать стуруху в чемодан, отвезти ее за город и спустить в болото. Я знал одно такое место.

Чемодан стоял у меня под кушеткой. Я вытащил его и открыл. В нем находились кое-какие вещи: несколько книг, старая фетровая шляпа и рваное белье. Я выложил все это на кушетку.

В это время громко хлопнула наружная дверь, и мне показалось, что старуха вздрогнула.

Я моментально вскочил и схватил крокетный молоток.

Старуха лежит спокойно. Я стою и прислушиваюсь. Это вернулся машинист, я слышу, как он ходит у себя по комнате. Вот он идет по коридору на кухню. Если Марья Васильевна расскажет ему о моем сумасшествии, это будет нехорошо. Чертовщина какая! Надо и мне пройти на кухню и своим видом успокоить их.

Я опять перешагнул через старуху, поставил молоток возле самой двери, чтобы, вернувшись обратно, я мог бы, не входя еще в комнату, иметь молоток в руках, и вышел в коридор. Из кухни неслись голоса, но слов не было слышно. Я прикрыл за собою дверь в свою комнату и осторожно пошел на кухню: мне хотелось узнать, о чем говорит Марья Васильевна с машинистом. Коридор я прошел быстро, а около кухни замедлил шаги. Говорил машинист, по-видимому, он рассказывал что-то случившееся с ним на работе.

Я вошел. Машинист стоял с полотенцем в руках и говорил, а Марья Васильевна сидела на табурете и слушала. Увидя меня, машинист махнул мне рукой.

— Здравствуйте, здравствуйте, Матвей Филиппович, — сказал я ему и прошел в ванную комнату. Пока все было спокойно. Марья Васильевна привыкла к моим странностям и этот последний случай могла уже и забыть.

Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что если старуха выползет из комнаты?

Я кинулся обратно, но вовремя спохватился и, чтобы не испугать жильцов, прошел через кухню спокойными шагами.

Марья Васильевна стучала пальцем по кухонному столу и говорила машинисту:

— Ждóрово! Вот это ждóрово! Я бы тоже швиштела!

С замирающим сердцем я вышел в коридор и тут уже чуть не бегом пустился к своей комнате.

Снаружи все было спокойно. Я подошел к двери и, приотворив ее, заглянул в комнату. Старуха по-прежнему спокойно лежала, уткнувшись лицом в пол. Крокетный молоток стоял у двери на прежнем месте. Я взял его, вошел в комнату и запер за собою дверь на ключ. Да, в комнате определенно пахло трупом. Я перешагнул через старуху, подошел к окну и сел в кресло. Только бы мне не стало дурно от этого пока еще хоть и слабого, но все-таки уже нестерпимого запаха. Я закурил трубку. Меня подташнивало, и немного болел живот.

Ну что же я так сижу? Надо действовать скорее, пока эта старуха окончательно не протухла. Но, во всяком случае, в чемодан ее надо запихивать осторожно, потому что как раз тут-то она и может тяпнуть меня за палец. А потом умирать от трупного заражения — благодарю покорно!

— Эге! — воскликнул я вдруг. — А интересуюсь я: чем вы меня укусите? Зубки-то ваши вон где!

Я перегнулся в кресле и посмотрел в угол по ту сторону окна, где, по моим расчетам, должна была находиться вставная челюсть старухи. Но челюсти там не было.

Я задумался: может быть, мертвая старуха ползала у меня по комнате, ища свои зубы? Может быть даже, нашла их и вставила себе обратно в рот?

Я взял крокетный молоток и пошарил им в углу. Нет, челюсть пропала. Тогда я вынул из комода толстую байковую простыню и подошел к старухе. Крокетный молоток я держал наготове в правой руке, а в левой я держал байковую простыню.

Брезгливый страх к себе вызывала эта мертвая старуха. Я приподнял молотком ее голову: рот был открыт, глаза закатились кверху, а по всему подбородку, куда я ударил ее сапогом, расплзлось большое темное пятно. Я заглянул старухе в рот. Нет, она не нашла свою челюсть. Я опустил голову. Голова упала и стукнулась об пол.

Тогда я расстелил по полу байковую простыню и подтянул ее к самой старухе. Потом ногой и крокетным молотком я перевернул старуху через левый бок на спину. Теперь она лежала на простыне. Ноги старухи были согнуты в коленях, а кулаки прижаты к плечам. Казалось, что старуха, лежа на спине, как кошка, собирается защищаться от нападающего на нее орла. Скорее, прочь эту падаль!

Я закатал старуху в толстую простыню и поднял ее на руки. Она оказалась легче, чем я думал. Я опустил ее в чемодан и попробовал закрыть крышкой. Тут я ожидал всяких трудностей, но крышка сравнительно легко закрылась. Я щелкнул чемоданными замками и выпрямился.

Чемодан стоит передо мной, с виду вполне благопристойный, как будто в нем лежит белье и книги. Я взял его за ручку и попробовал поднять. Да, он был, конечно, тяжел, но не чрезмерно, я мог вполне донести его до трамвая.

Я посмотрел на часы: двадцать минут шестого. Это хорошо. Я сел в кресло, чтобы немного передохнуть и выкурить трубку.

Видно, сардельки, которые я ел сегодня, были не очень хороши, потому что живот мой болел все сильнее. А может быть, это потому, что я ел их сырыми? А может быть, боль в животе была и чисто нервной.

Я сижу и курю. И минуты бегут за минутами.

Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей. Вот оно прячется за трубу противостоящего дома, и тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Я вспоминаю, как вчера в это же время я сидел и писал повесть. Вот она: клетчатая бумага

и на ней надпись, сделанная мелким почерком: "Чудотворец был высокого роста".

Я посмотрел в окно. По улице шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Двое рабочих и с ними старуха, держась за бока, хохотали над смешной походкой инвалида.

Я встал. Пора! Пора в путь! Пора отвозить старуху на болото.

Мне нужно еще занять деньги у машиниста.

Я вышел в коридор и подошел к его двери.

— Матвей Филиппович, вы дома? — спросил я.

— Дома, — ответил машинист.

— Тогда, извините, Матвей Филиппович, вы не богаты деньгами? Я послезавтра получу. Не могли ли бы вы мне одолжить тридцать рублей?

— Мог бы, — сказал машинист. И я слышал, как он звякал ключами, отпирая какой-то ящик. Потом он открыл дверь и протянул мне новую красную тридцатирублевку.

— Большое спасибо, Матвей Филиппович, — сказал я.

— Не стоит, не стоит, — сказал машинист.

Я сунул деньги в карман и вернулся в свою комнату. Чемодан спокойно стоял на прежнем месте.

— Ну теперь в путь, без промедления, — сказал я сам себе.

Я взял чемодан и вышел из комнаты.

Марья Васильевна увидела меня с чемоданом и крикнула:

— Куда вы?

— К тетке, — сказал я.

— Шкоро приедете? — спросила Марья Васильевна.

— Да, — сказал я. — Мне нужно только отвезти к тетке кое-какое белье. А приеду, может быть, и сегодня.

Я вышел на улицу. До трамвая я дошел благополучно, неся чемодан то в правой, то в левой руке.

В трамвай я влез с передней площадки прицепного вагона и стал махать кондукторше, чтобы она пришла

получить за багаж и билет. Я не хотел передавать единственную тридцатирублевку через весь вагон, и не решался оставить чемодан и сам пройти к кондукторше. Кондукторша пришла ко мне на площадку и заявила, что у нее нет сдачи. На первой же остановке мне пришлось слезть.

Я стоял злой и ждал следующего трамвая. У меня болел живот и слегка дрожали ноги.

И вдруг я увидел мою милую дамочку: она переходила улицу и не смотрела в мою сторону.

Я схватил чемодан и кинулся за ней. Я не знал, как ее зовут и не мог ее окликнуть. Чемодан страшно мешал мне: я держал его перед собой двумя руками и подталкивал его коленями и животом. Милая дамочка шла довольно быстро, и я чувствовал, что мне ее не догнать. Я был весь мокрый от пота и выбивался из сил. Милая дамочка повернула в переулок. Когда я добрался до угла — ее нигде не было.

— Проклятая старуха! — прошипел я, бросая чемодан на землю.

Рукава моей куртки насквозь промокли от пота и липли к рукам. Я сел на чемодан и, вынув носовой платок, вытер им шею и лицо. Двое мальчишек остановились передо мной и стали меня рассматривать. Я сделал спокойное лицо и пристально смотрел на ближайшую подворотню, как бы поджидая кого-то. Мальчишки шептались и показывали на меня пальцами. Дикая злость душила меня. Ах, напугать бы на них столбняк!

И вот из-за этих паршивых мальчишек я встаю, поднимаю чемодан, подхожу с ним к подворотне и заглядываю туда. Я делаю удивленное лицо, достаю часы и пожимаю плечами. Мальчишки издали наблюдают за мной. Я еще раз пожимаю плечами и заглядываю в подворотню.

— Странно, — говорю я вслух, беру чемодан и тащу его к трамвайной остановке.

На вокзал я приехал без пяти минут семь. Я беру обратный билет до Лисьего Носа и сажусь в поезд.

В вагоне, кроме меня, еще двое: один, как видно, рабочий, он устал и, надвинув кепку на глаза, спит. Другой, еще молодой парень, одет деревенским франтом: под пиджаком у него розовая косоворотка, а из-под кепки торчит курчавый кок. Он курит папироску, всунутую в ярко-зеленый мундштук из пластмассы.

Я ставлю чемодан между скамейками и сажусь. В животе у меня такие рези, что я сжимаю кулаки, чтобы не застонать от боли.

По платформе два милиционера ведут какого-то гражданина в пикет. Он идет, заложив руки за спину и опустив голову.

Поезд трогается. Я смотрю на часы: десять минут восьмого.

О, с каким удовольствием спущу я эту старуху в болото! Жаль только, что я не захватил с собой палку, должно быть, старуху придется подталкивать.

Франт в розовой косоворотке нахально разглядывает меня. Я поворачиваюсь к нему спиной и смотрю в окно.

В моем животе происходят ужасные схватки; тогда я стискиваю зубы, сжимаю кулаки и напрягаю ноги.

Мы проезжаем Ланскую и Новую Деревню. Вон мелькает золотая верхушка Буддийской пагоды, а вон показалось море.

Но тут я вскакиваю и, забыв все вокруг, мелкими шажками бегу в уборную. Безумная волна качает и вертит мое сознание...

Поезд замедляет ход. Мы подъезжаем к Лахте. Я сижу, боясь пошевелиться, чтобы меня не выгнали на останке из уборной.

— Скорей бы он трогался! Скорей бы он трогался!

Поезд трогается, и я закрываю глаза от наслаждения. О, эти минуты бывают столь же сладки, как мгновения любви! Все силы мои напряжены, но я знаю, что за этим последует страшный упадок.

Поезд опять останавливается. Это Ольгино. Значит, опять эта пытка!

Но теперь это ложные позывы. Холодный пот выступает у меня на лбу, и легкий холодок порхает вокруг моего сердца. Я поднимаюсь и некоторое время стою, прижавшись головой к стене. Поезд идет, и покачивание вагона мне очень приятно.

Я собираю все свои силы и пошатываясь выхожу из уборной.

В вагоне нет никого. Рабочий и франт в розовой кофеворотке, видно, слезли на Лахте или в Ольгино. Я медленно иду к своему окошку.

И вдруг я останавливаюсь и тупо гляжу перед собой. Чемодана, там, где я его оставил, нет. Должно быть, я ошибся окном. Я прыгаю к следующему окошку. Чемодана нет. Я прыгаю назад, вперед, я пробегаю вагон в обе стороны, заглядываю под скамейки, но чемодана нигде нет.

Да, разве можно тут сомневаться? Конечно, пока я был в уборной, чемодан украли. Это можно было предвидеть!

Я сижу на скамейке с вытаращенными глазами, и мне почему-то вспоминается, как у Сакердона Михайловича с треском отскакивала эмаль от раскаленной кастрюльки.

— Что же случилось? — спрашиваю я сам себя. — Ну кто теперь поверит, что я не убивал старухи? Меня сегодня же схватят, тут же или в городе на вокзале, как того гражданина, который шел, опустив голову.

Я выхожу на площадку вагона. Поезд подходит к Лисьему Носу. Мелькают белые столбики, ограждающие дорогу. Поезд останавливается. Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Я соскакиваю и иду к станционному павильону. До поезда, идущего в город, еще полчаса.

Я иду в лесок. Вот кустики можжевельника. За ними меня никто не увидит. Я направляюсь туда.

По земле ползет большая зеленая гусеница. Я опускаюсь на колени и трогаю ее пальцем. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и в другую сторону.

Я оглядываюсь. Никто меня не видит. Легкий трепет бежит по моей спине. Я низко склоняю голову и негромко говорю:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

.....
На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уж достаточно затянулась.

<Конец мая и первая половина июня 1939 года.>

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Глоцер. Предисловие 5

СЛУЧАИ

Голубая тетрадь № 10	8
Случаи	9
Вываливающиеся старухи	10
Сонет	11
Петров и Камаров	12
Оптический обман	13
Пушкин и Гоголь	14
Столяр Кушаков	15
Сундук	16
Случай с Петраковым	17
История дерущихся	18
Сон	19
Математик и Андрей Семёнович	20
Молодой человек, удививший сторожа	22
Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного	24
Потери	25
Макаров и Петерсен № 3	26
Суд Линча	28
Встреча	29
Неудачный спектакль	30
Тюк!	31
Что теперь продают в магазинах	33
Машкин убил Кошкина	34
Сон дразнит человека	35
Охотники	36
Исторический эпизод	38
Федя Давидович	40
Анекдоты из жизни Пушкина	42
Начало очень хорошего летнего дня (Симфония)	44
Пакин и Ракукин	45

ПОМЕХА

Рассказы и сцены

Письмо*	48
Черная вода*	50
О явлениях и существованиях № 1	51
О явлениях и существованиях № 2	53
О равновесии	55
Грехопадение, или Познание добра и зла. <i>Дидакалия</i>	57
Карьера Ивана Яковлевича Антонова	62
Неожиданная попойка	63
Автобиография*	65
“Одна особа, ломая в горести руки...”	67
Личное переживание одного музыканта	68
Пять шишек*	69
Рыцарь	71
Бунт*	74
Диван*	75
Новые алыпинисты	76
Пять неоконченных повествований	78
Всестороннее исследование	80
Связь	82
Медный взгляд*	84
Упадание	85
Власть	87
Победа Мышина	90
Лекция	93
Помеха	95
Симфония № 2	98
<i>Старуха. Повесть</i>	100

* В рукописи без названия.

Даниил Хармс

Старуха: Рассказы. Сцены. Повесть /Сост., текст. подгот. и предисл. В. Глоцера. Ил. Л. Тишкова. — М.: СП "Юнона", 1991. — 128 с., ил.

Книга Даниила Хармса (1905—1942) — одно из первых изданий прозы и драматургии писателя на его родине. В сборник вошли известный цикл "Случаи" (1933—1939), другие рассказы и сцены 30-х — начала 40-х годов, в том числе публикуемые впервые, и самое большое прозаическое произведение Д. Хармса — повесть "Старуха". Читателю приоткрывается странный, полуреальный мир, который вобрал в себя и абсурдную небыль и действительность.

Даниил Иванович Хармс

СТАРУХА

Рассказы. Сцены. Повесть

Составитель В.И. Глоцер

Редактор *А.Л. Лейкин*

Художник *Л.А. Тишков*

Художественный редактор *Г.М. Берштейн*

Технический редактор *А.С. Гинзбург*

Корректор *И.В. Ермакова*

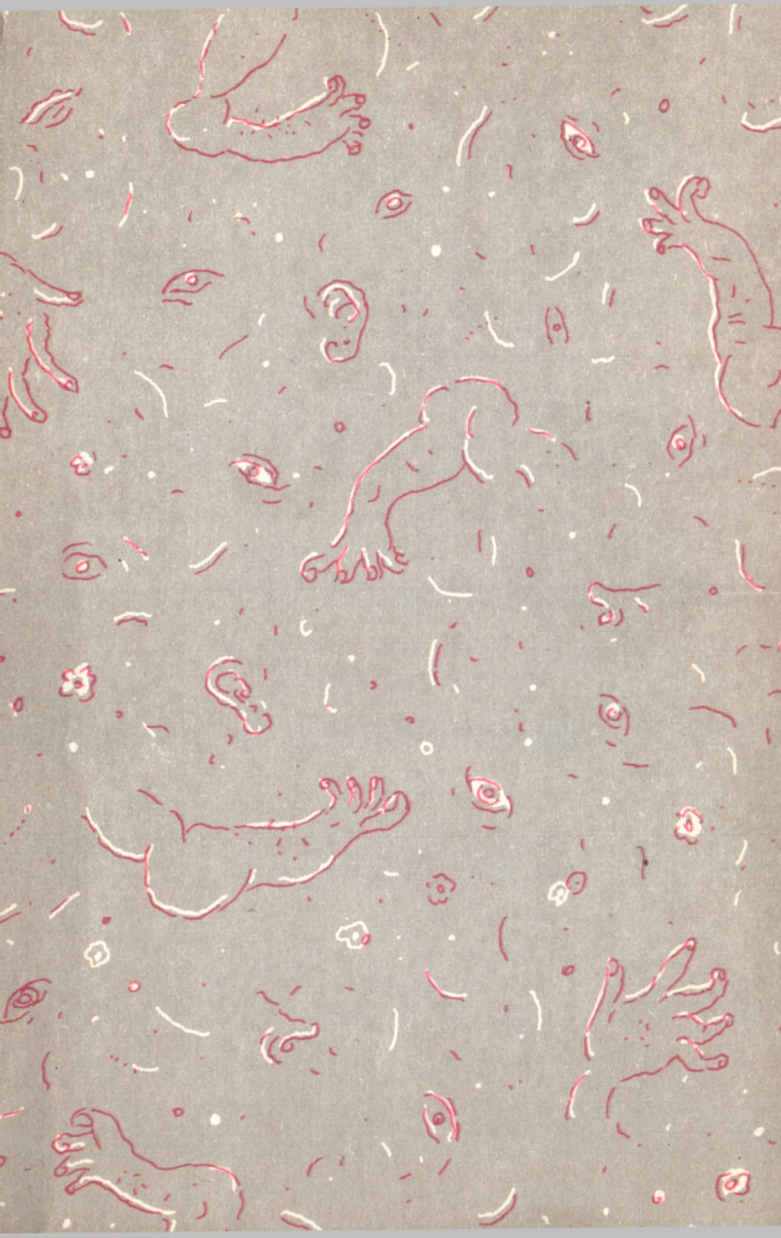
Ответственный за выпуск *И.В. Шингарев*

По соглашению с "Гелио"

Подписано в печать 18.12.90. Формат 70 x 100 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Печ. л. 4,0. Усл. печ. л. 5,20. Усл. кр.-отт. 5,56.
Уч.-изд. л. 4,32. Тираж 125 000 экз. Изд. № 3-30/90.
Зак. 1610. Цена 3 руб.

Совместное советско-югославское предприятие "Юнона".
113095 Москва, ул. Димитрова, 39.

Отпечатано с готовых пленок на Можайском
полиграфкомбинате В/О "Союзэкспорткнига"
Государственного комитета СССР по печати.
143200 Можайск, ул. Мира, 93.

3 руб.